

**КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО**

ИЛЬИНСКАЯ НИНА ИЛЬИНИЧНА

УДК 821.161.1–1.000.7.01"19"

**РУССКАЯ ПОЭЗИЯ РУБЕЖЕЙ XIX-XX, XX-XXI ВЕКОВ:
КОНЦЕПТОСФЕРА И ТИПОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЭТИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

10.01.02 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Киев – 2006

Диссертацией является рукопись

Работа выполнена на кафедре истории мировой литературы и культуры Института иностранной филологии Херсонского государственного университета

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Мережинская Анна Юрьевна, заведующая кафедрой истории русской литературы Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченка

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Московкина Ирина Ивановна, заведующая кафедрой истории русской литературы Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина

доктор филологических наук, профессор
Гусев Виктор Андреевич, заведующий кафедрой русского и сравнительного литературоведения Днепропетровского национального университета

доктор филологических наук, профессор
Кеба Александр Владимирович, заведующий кафедрой зарубежной литературы и языкознания Каменец - Подольского государственного университета

Ведущая организация: Полтавский государственный педагогический университет имени В.Г.Короленко, кафедра зарубежной литературы, Министерство образования и науки Украины, г.Полтава

Защита состоится «___» сентября 2006 года в ___ часов на заседании специализированного ученого совета Д 26.001.39 при Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко (01107, г.Киев, бульвар Тараса Шевченко, 14, конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М.Максимовича Киевского национального университета имени Тараса Шевченко по адресу: 01107, г.Киев, ул. Владимирская, 58

Автореферат разослан «___» августа 2006 года

Ученый секретарь
специализированного совета

Н.М.Гаевская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В поэзии рубежей XX века духовные универсалии составляют ядро культуры, ее код, несмотря на дискретность как литературных, так и социокультурных эволюционных процессов. По-видимому, в этом проявляются глубинные токи национальной ментальности, отраженные в словесном творчестве, о которых написано довольно много – от концептуальных обобщений Серебряного века («В русской литературе... религиозные темы и мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира»¹) до современных литературных и шире – культурологических – штудий («Язык искусства отличается тем, что он говорит о мире ином, о котором может сказать только он один. Это мир, который открывается нам только через искусство, лежащий в пересечении этих двух миров»²). Последнее, сказанное по поводу «скрытой» религиозности концептуализма – одного из стилевых течений постмодернизма, характерно для поэтического процесса конца XX века в целом. Отсутствие комплексных исследований «пересечения» поэтических и духовных миров, раскрывающих сложное соотношение эстетического и религиозного сознания, его динамику в современной литературе, взаимосвязь с русской духовно-культурной традицией определяют актуальность данной работы.

В пограничных ситуациях рубежей XX века в условиях нестабильности и переходности, исчерпанности ранее легитимных форм бытия и сознания, смены доминирующего стиля эпохи и системы «поэтологических констант» (А.Михайлов), эсхатологических предчувствий, эпистемологической неуверенности актуализируются поиски центрирующих оснований, национальной и самоидентичности. Существует ряд исследований (А.Лосев, Д.Лихачев, А.Панченко, Н.Хренов, Э.Нойманн, Н.Игнатенко, А.Мережинская, А.Нямцу), доказывающих, что значение культурного бессознательного («неотчуждаемой топики», «ядра культуры», «устойчивых сущностей») как стабилизирующего фактора особенно возрастает в искусстве кризисных эпох, когда распадается прежний «культурный канон» (Э.Нойманн). Так, изучая структуры переходных процессов в русле теорий синергетики и осмысляя их в аспекте коллективного бессознательного, исследователи приходят к выводу, что в бифуркационные моменты, когда действительность воспринимается хаосом, именно «устойчивые сущности» формируют движение, поскольку интенции сосредоточены на создании нового «культурного канона», который структурно упорядочивается в соответствии с имеющимися архетипами³. Рассмотрение современного поэтического процесса в ракурсе переходности позволяет описать его структуру как новый тип целостности, находящуюся в становлении «открытую» систему, потенциально включающую

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского Зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С.144

² Гройс Б. Искусство утопии. – М: Художественный журнал, 2003. С. 185

³ Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С.213, 236

различные векторы постпостмодернистского развития, что также определяет актуальность заявленной темы.

Обращение к культурной памяти как источнику креативных стратегий, положительных ценностей, одного из условий преодоления кризиса типологически сближает переходные культурные эпохи – модернистскую и постмодернистскую. Вместе с тем типологическая схожесть и повторяемость процессов исключает неизменность форм художественного воплощения в стилевых течениях и индивидуальных поэтических системах. Культурные эпохи находятся в состоянии диалога, отсюда возникает необходимость исследования механизмов культурной преемственности, конкретных форм их художественной реализации в поэтическом процессе 1980-2000 годов, что свидетельствует об актуальности данной работы.

Научная ценность реферированного исследования определяется возможностями экстраполяции его теоретических моделей (например, типов религиозно-поэтического сознания) в национальные, типологически сходные контексты постхристианской культуры за счет привлечения новых литературных источников. Актуальность темы также обусловлена художественной новизной поэтического материала, в изучении которого не сложилось устойчивой литературоведческой традиции, малоизученностью творчества отдельных авторов.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертация выполнена в русле комплексной научной темы «Христианство и литература: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте» кафедры истории мировой литературы и культуры Института филологии Херсонского государственного университета.

Цель исследования заключается в системном анализе поэтического процесса 1980-2000-х годов как нового типа целостности в аспекте культурной преемственности и типологической схожести концептосферы религиозно-поэтического сознания с предшествующей переходной эпохой – Серебряным веком. Реализация цели предполагает решение следующих **задач**:

- выделить стержневые тенденции, фиксирующие целостность поэтического пространства переходных эпох конца XIX – начала XX и XX-XXI века, проследить типологически сходные процессы;
- изучить основные направления в исследовании феномена религиозно-поэтического сознания;
- обосновать типологию религиозно-поэтического сознания в русской поэзии рубежа веков;
- исследовать особенности художественного воплощения типов религиозно-поэтического сознания в стилевых течениях рубежей XX века и идиолектах;
- определить концептосферу религиозно-поэтического сознания, художественную реализацию культурно-духовных концептов;
- описать механизмы духовно-культурной преемственности как центрирующего начала в религиозно-поэтическом сознании культурных эпох начала и конца XX века.

Объект исследования – поэтический процесс конца XX столетия в культурной преемственности и типологической соотнесенности с Серебряным веком, изученный на материале поэзии А.Блока, В.Маяковского, М.Волошина, Н.Гумилева, О.Мандельштама, А.Белого, К.Р.(К.Романова), С.Есенина, И.Бродского, Ю.Кузнецова, С.Стратановского, Е.Шварц, А.Вознесенского, С.Кековой, Т.Кибирова, З.Миркиной, В.Блаженного, И.Тюрина, иеромонаха Романа (А.Матюшина), Я.Токаревой, В.Шнейдера, О.Гречко, Н.Карташевой и др. При рассмотрении аллюзивно-реминисцентного репертуара религиозно-философской поэзии рубежей XX века в проблемное поле включались духовные стихи, творчество Ф.Тютчева, А.Хомякова, Н.Клюева, К.Бальмонта, Вяч.Иванова, Ф.Сологуба, Б.Пастернака, Г.Русакова, Ю.Левитанского, поэзия поколения 90-х нашей современности.

Предмет исследования – механизмы формирования преемственности типов религиозно-поэтического сознания, специфика художественной реализации культурно-религиозных концептов в русской поэзии рубежей XX века.

Теоретико-методологическую основу диссертации составляют исследования по исторической поэтике (А.Веселовского, Д.Лихачева, А.Панченко), истории и теории жанрово-стилевого развития литературы (М.Бахтина, М.Гаспарова, Д.Затонского, Н.Богомолова, М.Липовецкого, Л.Колобаевой, А.Эткинда, М.Эпштейна), мифопоэтике (В.Топорова, М.Элиаде, Вяч.Вс.Иванова), специфике сознания и художественного мышления нового времени (Н.Игнатенко, С.Аверинцева, В.Тюпы, Е.Созиной, А.Пятигорского, А.Михайлова), исследования переходных культурных эпох (К.Исупова, В.Келдыша, А.Мережинской, Н.Хренова, В.Силантьевой), труды религиозных философов Серебряного века (В.Соловьева, Н.Бердяева, С.Булгакова, Г.Федотова, И.Ильина, Л.Карсавина) по проблемам взаимоотношений культуры и религии, а также работы современных культурологов и философов.

Методы исследования. В диссертации используется типологический метод, дополненный феноменологическим и сравнительно-историческим в исследовании состояния и структур религиозно-поэтического сознания, сложных явлений переходности. В исследовании динамики литературного процесса порубежья в плоскости художественной реализации культурно-духовных концептов используется мифопоэтический подход, элементы структурного анализа, герменевтики, стратегии синергетики, методики интертекстуального анализа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что – впервые охарактеризована концептосфера религиозно-поэтического сознания рубежей XX века в аспекте национальной ментальности, исследована специфика художественного воплощения концептов Русского Христа; Веры; духовного странничества; юродства / святости; Ада / Рая;

– впервые представлена типология религиозно-поэтического сознания, характерного для русской поэзии рубежей XX века; описаны типы и структуры традиционно-догматического, паракристианского, внеконфессионально-религиоз-

ного типов сознания на уровне мотивного комплекса, образно-символического воплощения, жанрово-стилевых модификаций в модернистской и новейшей поэзии;

– впервые предлагается типология основных подходов к исследованию моделей религиозно-поэтического сознания в литературе рубежей XX века.

– дополнены теоретические представления о функционировании поэтического процесса конца XX века на уровне стиливых течений, направлений и тенденций, маркирующих его целостность; обозначены механизмы культурной памяти в русле национальной духовно-поэтической традиции;

Практическая ценность исследования. Результаты диссертационной работы имеют прямой выход в научно-исследовательскую и вузовскую практику, могут быть использованы при подготовке монографий и учебных пособий, вузовских лекционных курсов истории русской литературы XX века, теории литературы, спецкурсов по проблемам поэзии Серебряного века и новейшей русской поэзии, при изучении специфики поэтических процессов переходных эпох, взаимовлияний типологически схожих стиливых систем, перекодировки культурных концептов.

Личный вклад соискателя. Диссертационное исследование является персональной работой, ее теоретические положения и выводы сформулированы непосредственно автором.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и одобрена на заседании кафедры истории мировой литературы и культуры Института иностранной филологии Херсонского государственного университета.

Основные положения диссертации изложены в докладах на международных конференциях: Міжнародній науковій конференції “XX століття у дзеркалі літератури і культури” (Херсон, 2001); Міжнародній науковій конференції “Підсумки і перспективи розвитку літератури та літературознавчої думки XX ст.” (Харків, 2003); Міжнародній науково-практичній конференції “Російська мова і література: проблеми вивчення і викладання в Україні” (Київ, 2003); Міжнародній науковій конференції „Християнство і література: Проблеми взаємодії в загальнокультурному контексті” (Херсон, 2004); Міжнародній науковій конференції “Традиції Харківської лінгвістичної школи в світлі актуальних проблем сучасної філології” (Харків, 2004); Міжнародній науковій конференції “Актуальні проблеми історичної і теоретичної поетики” (Кам’янець-Подільський, 2004); Всеукраїнському науково-дослідному семінарі “Загальнолюдські цінності та національний менталітет у дзеркалі слов’янських літератур” (Луцьк, 2004); V Міжнародному форумі русистів України “Російське слово в мовному просторі Євразії” (Крим, 2005); Міжнародній науково-практичній конференції “Російська мова і література: проблеми вивчення і викладання в Україні” (Київ, 2005).

Публикации. Основные результаты изложены в монографии, учебно-методическом пособии и в статьях (28), опубликованных в специальных изданиях, утвержденных в перечне ВАК Украины.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 5 разделов, выводов и списка использованной литературы (557 наименований). Объем диссертации – 477 страниц компьютерного набора, из них – 432 страницы основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснован выбор темы, актуальность и научная новизна, обозначены цель и задачи исследования, теоретические и методологические основы, очерчена теоретическая и практическая значимость работы, этапы апробации результатов исследования.

Первый раздел – «Типологическая общность поэтического движения рубежей XX столетия: феномен переходности, специфика культурной преемственности» – включает два подраздела: **1.1 «Рефлексия модернизма в художественном сознании новейшей поэзии»;** **1.2 «Поэтический процесс рубежа XX-XXI веков: переходность, целостность, неомодернистские тенденции развития».**

В подразделе **1.1 «Рефлексия модернизма в художественном сознании новейшей поэзии»** акцентируется, что проблема целостности литературного процесса конца XIX – начала XX века входит в разряд дискуссионных. В исследовании художественного феномена Серебряного века в отличие от предыдущих этапов, выдвигающих на первый план оппозицию реализм – модернизм, научная мысль последних десятилетий сосредоточена на синтезирующих тенденциях взаимоотношений символизма и постсимволистских стилевых систем (В.Келдыш, Вяч.Вс.Иванов, О.Клинг, Н.Богомолов, Е.Эткинд). В реферированной диссертации подчеркивается концептуальная несостоятельность версии о принципиальной непримиримости стилевых течений и отсутствии центрирующих начал в культуре модернизма. Диссертантом проанализированы и обобщены стержневые тенденции в художественном сознании русского модернизма, зафиксированные в ряде научных исследований, авторецепциях современников Серебряного века (Н.Гумилев, О.Мандельштам, Б.Лифшиц). В результате сформулировано одно из концептуальных положений работы: поэтический процесс переходной эпохи Серебряного века представляет собой единое целое, в пространстве которого разделения весьма условны и проницаемы, несмотря на разновекторность эстетических и религиозно-философских поисков и квазидискретность.

В подразделе очерчены механизмы культурной преемственности, давшие импульс формированию неклассической художественно-эстетической парадигмы в результате конвергенции различных художественных языков как следствия раннего сосуществования постсимволистских течений в едином поле символизма. Рецепция символизма – лона «всей новой русской поэзии» (О.Мандельштам) – проявляется в расширении духовных горизонтов, культурных влияний и стилевом притяжении, демонстрируя «сложную целостность» (В.Келдыш) Серебряного века. Подчеркивается значимость актуализированных символизмом поисков

фундаментального единства сакрального и профанного миров как центральной стратегии модернистской эстетики, в дальнейшем реализуемой в формате эстетических принципов постсимволистских течений. Именно в религиозных универсалиях сомкнулись начала и концы, объединяющие все направления модернизма, а также поэтов, стоящих вне направлений, в единство, зафиксировавшее целостность поэтического пространства Серебряного века. Однако проблема рецепции художественным сознанием модернизма культурно-религиозного опыта как центрирующего фактора и стержневой тенденции не получает системного освещения в современных исследованиях. В ряде работ рассматриваются духовные биографии авторов, библейские / христианские мотивы и топика в творчестве отдельных писателей (преимущественно прозаиков). При этом не всегда учитывается «дрейфование» типов религиозности, когда происходит их пересечение с другими духовными традициями, благодаря которым создаются новые стилевые синтезы.

В подразделе прослеживается «жизнь Серебряного века как традиции» (В.Келдыш), то есть конкретные проявления культурной преемственности непосредственно в рецепции, типологической схожести, что в той или иной мере отрефлектировано в литературоведческих работах (Вяч.Вс.Иванов, Ю.Орлицкий), метаописаниях и авторецепциях участников поэтического процесса конца XX века (Г.Сапгир, В.Кривулин, Дм.Голышко-Вольфсон). Проанализированный пласт метатекстов демонстрирует глубокую укорененность традиции модернизма в художественном сознании новейшей поэзии и позволяет обозначить специфику ее функционирования. Это возможность «вписать» современную поэзию в некую универсальную модель развития литературы, обозначить ее значение в мировом культурном диалоге и тем самым преодолеть маргинальность предыдущего этапа литературного развития посредством обретения собственной культурной идентичности, а также констатировать высокий авторитет модернизма в качестве стилистического «абсолюта», культурного «резервуара» философских и эстетических идей, источника интертекстуальности.

Духовно-поэтическая традиция Серебряного века в постмодернистской ситуации осмысливается в ее целостности, вне конфронтационных интенций модернизма, что не исключает доминантных влияний того или иного типа творчества в стилевых течениях и идиостилях новейшей поэзии (например, неоавангардное творчество Ры Никоновой, С.Сигея, Д.Авалиани, С.Бирюкова). Обращение к наследию высокого модернизма не исключает различной тональности его рецепции: от идеализированного образца до выстраивания в пародийный ряд топика и реминисценций модернизма, иронического модуса в осмыслении культовых для Серебряного века констант. Целостность культурной преемственности проявляется посредством сплетения в идиостилях эстетики столь «неродственных поэтических корпораций» (И.Смирнов), как, например, символизма, авангарда и традиционализма в творчестве Е.Мнацакановой, синтеза балладного лиризма с символизмом и акмеизмом в поэзии В.Шубинского, авангарда и символизма у неоавангардиста Г.Сапгира. Эти далеко не единичные

примеры отражают особенность современного поэтического процесса: целостность рецепции модернизма как продуктивного источника множественности равноправных языков культуры. Характерное «многоголосие» типологически сближает поэтические ситуации рубежей XX века.

В подразделе **1.2 «Поэтический процесс рубежа XX-XXI веков: переходность, целостность, неомодернистские тенденции развития»** сведены воедино и систематизированы различные точки зрения относительно развития поэтического процесса данного периода, его специфики и перспектив. Несмотря на широкий спектр теоретических суждений, магистральными направлениями являются: а) попытки выявить некую структурность, новые доминанты и обобщающие тенденции (А.Уланов, В.Кулаков, И.Кукулин); б) осмыслить современный поэтический процесс в формате традиционных представлений о динамике школ, групп и направлений (И.Шайтанов, В.Зайцев). Обозначив такие его характеристики, как дискретность, раздробленность, отсутствие четких эстетических и ценностных ориентиров (Ю.Минералов, С.Тимина, П.Басинский), исследователи также прогнозируют векторы постпостмодернистского художественно-эстетического развития (М.Липовецкий, Н.Лейдерман, Н.Маньковская). Отдельные теоретические положения и наблюдения, которые отражают специфику современной культурной ситуации (креативные стратегии и автометаописания «опережают» литературоведение, оказавшееся *a posteriori*), зафиксированы преимущественно в критических статьях о современной поэзии и в университетских учебниках. В новейших монографиях о современной русской поэзии внимание сосредоточено не на ее целостности, а на отдельных стилевых приоритетах.

Результаты исследования специфики поэтического процесса конца XX – начала XXI века как нового типа целостности отрефлексированы в культурной преемственности с предыдущей переходной эпохой. Акцентируется, что, несмотря на поливекторность и множественность художественных языков, именно благодаря традиции сохраняется его целостность посредством трансляции системы ценностных кодов (аксиологических, религиозных, эстетических), единых для культурной памяти, художественно воплощенных в традиционных или модифицированных формах. Поэтический процесс 1980-2000 г.г., состоящий из двух потоков: «новой волны», чье вхождение в так называемую «официальную» литературу состоялось в конце андеграундного периода (московские концептуалисты, «Московское время», клуб «Поэзия», «Орден куртуазных маньеристов») и поколения 90-х – «преодолевающих постмодернизм», представляет собой «открытую», нестабильную систему. К ней вполне применимы положения синергетики об особой жизнеспособности и вариативности таких систем по сравнению с упорядоченными – «закрытыми» и неспособными к коммуникации. Потенциальность и креативность «открытых» систем продуцирует вариативность развития.

Одним из векторов постпостмодернистского развития можно считать неомодернизм (не отрицая и других «сценариев»). В пользу этой версии

свидетельствует феномен финала эпохи как некоего возвращения к началу на уровне ценностных ориентаций, топик, эстетических принципов, завершения художественных тенденций, вытесненных в процессе утверждения предыдущей культуры тоталитарного типа, их возрождение и модификации на новом витке. В реферированной диссертации систематизированы интегральные константы поэтического процесса, характерные для русского модернизма и новейшей поэзии конца XX века, отражающие культурную преемственность на непосредственно-рецептивном и опосредованно-типологическом уровнях, а именно: а) восстановление духовной вертикали в типологически схожих моделях религиозно-поэтического сознания и концептах; б) исключительный статус искусства, определивший «цветущую сложность» (К.Леонтьев) происходящих художественных процессов; в) многообразие художественных языков и стилей вне иерархичности их бытования; г) диалогичность различных типов художественного творчества; д) синтез искусств, его активное продуцирование в стилевых течениях модернизма и современных идиолектах; е) принцип жизнетворчества, в формате которого моделируются стратегии творческого поведения – модернистского, модифицирующего архетип поэта-жреца, и постмодернистского – игрового, отчасти самопародийного; ж) сложность идентификации творческой индивидуальности с определенным художественным методом (направлением), «размывание» границ стилевых течений; з) движение к «новой искренности» – актуализация прямого высказывания, реабилитация идеи самовыражения, характерные для русской поэтической традиции.

В ситуации ожидания, эмблематичной для пограничного типа художественного сознания, таящей в самой своей неопределенности серьезный творческий потенциал⁴, проблема неомодернизма, равно как и другие гипотезы постпостмодернистского развития, по сути, только заявлена, а обозначенные теоретические контуры требуют самостоятельного фундаментального исследования. Представленная модель используется в дальнейшем исследовании стилевых систем и процессов русской поэзии конца XX века.

Во втором разделе – «Духовная вертикаль поэтического пространства рубежей XX века в научной рецепции» – предметом рассмотрения являются дискуссионные проблемы, которые типологически сближают рубежи XX века в формате переходности, повторяемости социокультурных процессов, а также «спровоцированные» дискретностью культурно-религиозной традиции. Второй раздел составляют два подраздела: 2.1 «Стратегии исследования духовно-поэтической традиции»; 2.2. «Типология подходов к изучению феномена религиозно-поэтического сознания».

В подразделе 2.1 «Стратегии исследования духовно-поэтической традиции» выделен и исследован ряд проблем методологического характера, а

⁴ Маньковская Н. Б. Что после постмодернизма // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. В 2-х частях. Часть II. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 417-430

именно: 1) Какова духовно-эстетическая доминанта, определяющая магистральный вектор развития секуляризированной культуры рубежей XX века? 2) С каких позиций исследователь должен определять характер художественной и религиозно-философской составляющих поэтического текста? 3) Способны ли конфессиональные критерии (И.Есаулов) охватить все многообразие форм духовного и поэтического опыта, не возникает ли при этом опасность «клерикального литературоведения» (С.Кормилов)? 4) Серебряный век – это действительно религиозно-философский ренессанс, поиски Бога художественным сознанием или «игра в религию», бесовско-еретическое наваждение? 5) Существуют ли ограничения творческой свободы в обращении к сакральной тематике и образности и где пролегает водораздел между свободой творчества и кощунством? 6) Наконец, чем определяется факт кощунства (святотатства, прелести)? Можно ли отыскать абсолютные критерии или они редуцированы до частного мнения?

Отмечено, что русская поэзия рубежей XX столетия стремится к диалогу с Абсолютом в имманентных культурно-исторической ситуации формах религиозно-поэтического сознания, но духовные искания не располагаются исключительно в монистическом православном / христианском дискурсе. Они представлены в разных формах культурной рецепции – от ортодоксально-догматических до внеконфессионально-религиозных, что отражается на тематическом и образном уровнях, в жанрово-стилевых доминантах поэтических систем.

В теоретическом осмыслении проблемы «литература и христианство» автором выделено несколько стратегий: догматически-охранительные, «поверяющие» литературу и – в широком смысле – культуру постулатами религии Христа (М.Дунаев, В.Захаров); направление, исследующее «духовные биографии» писателей (В.Непомнящий, В.Воропаев); так называемая «религиозная филология» (самоопределение участников) (Т.Касаткина). Особое место занимают научные разработки, в которых литературоведческий подход не подменяется религиозной ценностной установкой (Н.Струве, А.Астафьев, А.Мережинская, Л.Шевченко, Е.Соловей). Изучению религиозно-философской тенденции в русской модернистской и новейшей поэзии посвящены отдельные аспекты монографий (И.Заярная, С.Семенова). В целом же согласимся с И.Кукулиным – «религиозная проблематика литературных произведений – своего рода «слепое пятно» современной российской филологии. Развернутых исследований того, как в современной литературе представлена религиозная проблематика, на русском языке практически нет»⁵.

Осмысление взаимоотношений между верой и поэтическим творчеством неизбежно сталкивается с рядом антиномий, вызванных исходными противоречиями между христианской догматикой и творческой свободой, самовыражением в обращении к сакральной тематике, присущей секулярному искусству. Будучи перманентной для русской поэтической традиции, проблема

⁵ Кукулин И. Инвентаризация апокрифов // Новое литературное обозрение. – 2006. – №78. – С.401

«религиозного оправдания» культуры типологически сближает духовные поиски рубежей XX века. В ее решении диссертантом определены и описаны ортодоксальная, секулярная и диалогическая точки зрения.

Ортодоксальная позиция рассматривает поэзию исключительно в ее церковно-прикладной функции – проповеди религии и учения Христа, полное подчинение художественности канонам и догматике; секулярная, отстаивая известную автономность поэзии от религии как разных видов духовной деятельности, артикулирует иную крайность – считает возможным использование евангельских сюжетов и топики, образа Христа, религиозной символики как мифологем, культурных кодов, знаков для решения как сугубо поэтических задач (саморефлексии, поэтологических концепций), так и в эпатажных целях; третью позицию отличают интенции к преодолению антропоцентристских и теоцентристских крайностей, исходного напряжения между «миром» и «монастырем», тяготение к синтезу, к диалогичности отношений религиозного и творческого сознания в структурах нового синтеза.

Автором акцентируется, что представленные тенденции находят отражение в новейшей русской поэзии 1980-2000-х годов, преломляясь в различных формах культурной преемственности: это поэзия «внутри» и «около церковных стен» (иеромонах Роман (А.Матюшин), прот. Л.Гриликес, прот. О.Логвинов, В.Афанасьев, О.Николаева); секулярная поэзия, выражающая личностные вероисповедные начала и поиски веры, использующая христианский код (образность, символику, интертекст) как один из языков культуры (И.Бродский, Б.Кенжеев, В.Кривулин, Г.Русаков, С.Стратановский); поэзия, в которой стилистика и творческое поведение авторов реконструирует апофатические, эстетизированного юродства формы освоения сакрального, «играют» (порой на грани эпатажного кощунства) с архаическими мифологиями, эзотерическими религиозными практиками, константами национальной ментальности (Е.Шварц, В.Блаженный, Т.Кибиров, Псой Короленко (П.Лион), Шиш Брянский (К.Решетников), П.Барскова, Е.Костылева, В.Строчков).

В подразделе 2.2. речь идет о **типологии подходов к изучению феномена религиозно-поэтического сознания**. В результате теоретического осмысления проблемы автором обоснована типология и концептосфера религиозно-поэтического сознания литературы рубежей XX века. Акцентируется, что научно объективное изучение таких тонких процессов, как воплощение в поэтическом слове верований, усложнено в переходные эпохи, во-первых, объективными факторами, а именно “явищем синхронізації різних культурних рівнів і шарів. Модерні й домодерні, барокові та постмодерні літературні форми й стилі співіснують в одному ряду”⁶; во-вторых, субъективными – размытостью ценностных ориентаций, подчеркнутой зыбкостью и текучестью внутреннего мира личности. Синтез различных видов творчества и языков культуры, типов сознания выдвигает проблему интегративных категорий. С точки зрения диссертанта – это

⁶ Гундорова Т. Український літературний постмодерн. – К., 2005. – С.35

религиозно-поэтическое сознание, структура которого отражает, кроме духовных констант национальной ментальности, диффузные процессы, смену культурных и литературных традиций, «переоценку ценностей», сложное взаимодействие центрирующих и разрушительных тенденций в поэтическом процессе и идиостилиях.

В изучении концепта религиозно-поэтического сознания диссертантом выделено и описано несколько подходов, взаимодействующих в культурном пространстве на гранях XX столетия: это сосредоточенный на мировоззренческом комплексе религиозно-поэтического сознания *философский* подход (Н.Бердяев, П.Гайденко), в формате которого рассмотрены рецепции неклассической эстетики и философии, в частности феноменологии в художественно-эстетической (В.Тюпа, Е.Созина) и религиозной сфере (С.Хоружий), их корреляция с художественным сознанием, типы и формы которого представлены в монографиях и статьях обобщающего типа (Н.Игнатенко, М.Гаспаров, Е.Черноиваненко, В.Заманская); *религиозно-культурологический*, в рамках которого типы религиозного сознания проанализированы в контексте культурологических теорий, концепций и моделей, отражающих традиционные и неклассические интерпретации функционирования этого типа сознания в сфере литературы. В данном подходе автором выделено два направления – догматически-охранительное (О.Николаева, И.Есаулов) и конвергентное (С.Аверинцев, М.Эпштейн, Ю.Жицинский); *концептуально-культурологический* подход к проблемам религиозно-поэтического сознания, который дает возможность рассмотреть этот концепт как «сгусток культуры в сознании человека» (Ю.Степанов) в одном семантическом ряду с образом, мотивом и символом, что акцентирует его гибридность: с одной стороны, обобщающие и конкретно-чувственные моменты, с другой – понятийный слой.

Проведенное исследование позволяет диссертанту концептуализировать религиозно-поэтическое сознание как комплекс миросозерцательных и художественных компонентов, креативно реализующихся в эстетических принципах стилевых течений и идиостилиях; как особое, открывающееся через ментальность, состояние сознания, в котором пересекаются несколько уровней: выраженные в художественных формах культурно-религиозные представления, чувства и опыт мистического общения с Абсолютом, аксиологические ориентиры.

Концептосферу религиозно-поэтического сознания как «некой целостности» (Д.Лихачев) составляют концепты Русского Христа, Веры, духовного странничества, Рая / Ада, юродства / святости в их художественном воплощении в структурно-семантической и жанровой специфике текстов. Автором предложена типология религиозно-поэтического сознания, репрезентативная для модернизма и новейшей русской поэзии. Ее составляют 1) традиционно-догматический; 2) паракристианский; 3) внеконфессионально-религиозный типы, осложненные теми или иными векторами религиозно-философских исканий, с известной поправкой на конвенциональность, поскольку для сознания как такового характерны проницаемые границы и точки пересечения.

В третьем разделе – «Концепт религиозно-поэтического сознания: типология и формы реализации в поэзии рубежей XX века» на широком массиве текстов продемонстрирована художественная реализация традиционно-догматической, парахристианской, экзистенциальной модели религиозно-поэтического сознания. Эта часть состоит из трех подразделов.

В подразделе 3.1 **“Образно-символическая реализация традиционно-догматического типа сознания в модернизме и в новейшей русской поэзии”** отмечается, что традиционно-догматический тип сознания в модернизме и в современной русской поэзии располагается в семантическом поле христианского / православного мироощущения, в ценностных координатах которого актуализирован поэтический диалог с Богом укорененного в вере лирического субъекта. Культурная преемственность проявляется в таких духовных векторах концепта: традиционно-православном (К.Р. (К.Романов), А.Ахматова, С.Аверинцев, В.Афанасьев, прот. О.Логвинов), юродства как «апофатической стилистики» (К.Исупов) и типа творческого поведения (А.Белый, А.Вознесенский, В.Блаженный), общехристианском (Е.Кузьмина-Караваева, О.Седакова, О.Охупкин, З.Миркина, О.Чухонцев, С.Кекова) и художественно воплощается в соответствующих мотивных структурах, обращении к библейской сюжетике и образности, жанровом мышлении. Среди типологических характеристик, которые демонстрируют схожесть литературной традиции, отмечаем рецепцию таких идей религиозно-философского дискурса начала XX века, как экуменическое христианство, мечты об идеальной гармонии, всеединство.

На фоне дисгармоничности и дискретности картины мира переходных эпох особое значение обретает магистральная традиция русской поэзии: молитвенное предстояние и преклонение перед красотой Божьего творения. Дихотомии Божественного присутствия / отсутствия противопоставлена иная метафизика – псалмопевческое его приятие, взгляд на природу как на творение и образ (икону) Бога, «евхаристическое освящение» Божьего мира, исповедание Любви ко всей твари в духе Франциска Ассизского. В традиционно-догматическом сознании поэтов конца XX, знающих трагизм всеобщего безбожия, близкая итальянскому монаху евангельская истина о проповеди благой вести всему творению инверсирована до признания за природой первенства в постижении Бога, в близости к Нему (З.Миркина, С.Кекова, В.Блаженный). Так, ощущение родства лирической героини З.Миркиной со всем Божьим миром «вписывает» ее творчество в эту достаточно укорененную в русской литературе XX века традицию – от А.Добролюбова, В.Набокова, Н.Заболоцкого и обэриутов, Б.Пастернака до неоавангардистской поэзии В.Кучерявкина. Однако поэтический универсум З.Миркиной безоблачен, полон света и гармонии в отличие, скажем, от трагико-иронической у обэриутов или натурфилософской у Н.Заболоцкого интерпретации сложных и драматичных взаимоотношений в природе, между человеком и живым миром.

В системе инвариантных религиозно-философских мотивов традиционно-догматического сознания достаточно многогранно представлен концепт Ада и Рая

как в традиционных для русской религиозности моделях: Рай как сад; Рай как город (Небесный Иерусалим); и, наконец, Рай – небеса, так и в контексте метафизической триады Пространство – Время – Бог, Который есть Творец и Гарант времени-Вечности. Рецепция традиции дополняется осознанием идеи Рая и Ада как онтологической. В таком контексте Рай или Ад – это индивидуальный выбор между добром и злом личности конца XX века, которой известно, что духовные и душевные муки страшнее телесных воздаяний или воздушных мытарств. Например, в поэтической теологии С.Кековой мотив трагических поисков Рая как земли обетованной через Пространство и Время, соблазны ложных «ценностей» и богоборческой гордыни, ведущих в преисподнюю, разрешается уверенностью, что в результате Покаяния человечество получит шанс: «Если ты взыскуешь страданья и жизни новой, / То и самый грех твой Господь обратит во благо». Показательной в религиозно-философской поэзии С.Кековой является рецепция таких духовных констант ахматовской поэзии, как Время, Бог и Покаяние.

Помимо видения земного Рая как трансформации библейской мифологемы, традиционно-догматическому сознанию присущи и другие поэтические модели: «авторский миф» обретения Рая как идеального мира гармонической слиянности Бога и человека, воплощением которого является Дом – «уменьшенная модель вселенной», что типологически сходно с «избяным» Раем Н.Клюева. Духовный Рай – это модус идеального состояния, близкий к мифологеме потерянного / обретенного рая, реализованный в тяготении поэтического слова к «молчанию» или «тишине» («В раю Адам был безмолвен» (И.Хассан)), поскольку предельная интенциональность безмолвия выступает главным условием полноты переживания Божественного и близости с Абсолютом. Модели духовного Рая центрированы верой во Христа.

Продуктивный в неклассической эстетике мотив безмолвия, знаменующий коммуникативный дискурс по вертикали, высшее достижение в творчестве, представлен в стилевых течениях модернизма и новейшей поэзии в творчестве А.Добролюбова, «тихих песнях» И.Анненского, поэзии Вяч.Иванова, А.Ахматовой, о.Романа, З.Миркиной. Мотив безмолвия демонстрирует типологическую схожесть интеллектуально-духовного контекста, являясь точкой пересечения, общей тенденцией, характерной для других типов религиозно-поэтического сознания (молчание Бога как отсутствие коммуникации в культурно-религиозной модели).

Мотив приятия / неприятия Божьего творения отличает традиционно-догматическое сознание от иных типов. За неприятием земного мира как ошибки демиурга стоит многовековая гностическая традиция, рецепция которой, представленная в модернизме (Ф.Сологуб, В.Маяковский), продуцируется в новейшей поэзии. Например, весь мир для лирического субъекта А.Цветкова – это всего лишь «сапожный отпечаток бога» (орфография поэта), тогда как традиционно-догматическое сознание воспринимает мироздание отпечатком Его перста. Для поколения 90-х характерно воплощение этой религиозно-эстетической темы в ироническом, пародийном ключе, что в какой-то мере сигнализирует об ее исчерпанности в традиционной стилистике.

Различие между традиционно-догматическим и иными типами религиозно-поэтического сознания демонстрируют рассмотренные в диссертации концепции поэзии и поэтического творчества иеромонаха Романа (в миру А.Матюшина) и Ю.Кузнецова. Показано, что исихастский вектор духовных исканий в поэзии о.Романа воплощается в мотивах, прямом введении в лексический строй и образность текстов тех знаков и символов, которые присущи именно этому типу религиозности. Это напряженное стремление поэтического слова обрести «тишину» или «молчание» как «лучшую поэзию»; перифрастическое название молитвы: «И в священном безмолвьи, узнав / приближенье Желанного»; определение Богообщения (в параметрах его превосходства) через призму эстетического: «И, смирясь до зела, приступила к Искусству искусств»; в мотиве аскетического подавления страстей, духовной сосредоточенности, смиренного желания пострадать, который во многом определяет идеал христианина в национальной ментальности.

Водораздел пролегает в различном понимании творческой свободы в интерпретации сакральных образов и тем. В отличие от традиционно-догматического, парахристианское религиозное сознание допускает в поэтическом творчестве как ремифологизацию, так и демифологизацию, создание авторских мифов на материале библейской сюжетики и образности, при этом оставаясь в пределах общехристианской догматики и этики или пересекая допустимые с ортодоксальных позиций границы. Показательно, что в религиозной поэзии украинской диаспоры А. Астафьевым отражены аналогичные тенденции: одна из них демонстрирует обращение к традиционной христианской символике для выражения ортодоксального мироощущения и поэтического изложения основных категорий христианской нравственности. Для представителей «нового искусства» характерна реинтерпретация христианских мотивов и образов, в которых «індивідуально втілюється гетеродоксальний зміст, подаються образи і символи Нового Завіту як певні знаки актуальних екзистенційних, психологічних, суспільних, культурологічних проблем (друга тенденція домінує здебільшого у псевдо- і квазістилях)»⁷. Иными словами, речь идет об общих закономерностях постхристианской культуры, когда в разработке религиозно-философской проблематики доминирует эстетизация религиозных переживаний, использование библейской образности в качестве культурных знаков и универсалий, моделей творческого поведения, не предполагающих конфессиональной определенности индивидуума.

В диссертации отмечено, что в структуре традиционно-догматического типа сознания особую нишу занимает юродство как парадоксальная форма святости. Концепт юродства маркирует национальную ментальность и православную духовность, временами вступая с последней в достаточно сложные отношения, однако в отличие от ересиологов юродивый Христа ради никогда не противопоставляет свое подвижничество институализированной церковности.

⁴Астаф'єв О. Г. Лірика української еміграції: еволюція стильових систем: Автореф. на здобуття наукового ступеня доктора філол. наук. – К, 1999.– С.19

Юродство, будучи одним из сквозных культурных кодов русской литературно-духовной традиции, представлено разнопланово: образами-персонажами (начиная от агиографических героев-юродивых древнерусской литературы, пушкинского Николки в литературе Нового времени и заканчивая постмодернистским Венечкой Вен.Ерофеева); типом бытового и творческого поведения; стратегией и принципом творчества; авторской маской; поэтическими парафразами житийных историй о юродивых. Показательно в этом смысле поведение и творчество М.Волошина, Н.Клюева, А.Белого, В.Розанова, В.Хлебникова, А.Ремизова, код юродства актуализирован в поэзии обэриутов, в частности Д.Хармса, прозе А.Платонова, в новейшей русской поэзии.

Автором прослежена культурная рецепция концепта юродства в поэзии рубежей XX века, описаны конституирующие признаки его моделей. Одной из констант, сверхличностным началом, оправдывающим девиантную модель поведения «не от мира сего» как для модернистов, так и новейшей поэзии, является Искусство (А.Вознесенский); второй – близость к концепту духовного странничества как в характерном для аутентичного юродства стремлении к движению, скитанию «меж двор» (В.Блаженный), так и в модификациях «ухода ментального» (В.Филиппов). В поколении 90-х артикулирована модель «эстетизированного юродства», типологически схожая со стилевыми течениями поэзии Серебряного века, с акцентом на девиантном поведении и маргинальности (Шиш Брянский (К.Решетников), Псой Короленко (П.Лион)).

Так, А.Вознесенский, весьма далекий от репутации юродивого на уровне внехудожественной реальности и поведенческих моделей в поэзии конца XX века наделяет лирического субъекта парадигмальными чертами юродства. Его лирический субъект а) декларирует собственное безумие с позиций так называемых «нормальных» людей, принимает от них «поношение», «биение и пхание», трансформированные в притеснения социокультурного и духовно-экзистенциального содержания; б) называет себя «полудурком», «придурком», «уродом», исповедующим красоту, – лексемы, синонимически близкие к традиционному названию юрода дураком, блаженным. Поэт маркирует лирического субъекта устойчивым модусом «тоски» как знакового явления, потенциальной аллюзии на «скорбь» Венечки – своего рода эмблематики юродства в современном художественном сознании, причина которой – несовершенство и убожество мира («Я – вселенский полудурок / Бит Никиткой и тоской»; «я кому-то придурок»), наделяет его способностью к культурному протесту против «горделивого и суетного мира», выраженного метафорой «Россия – Желтый дом». В ее семантике, помимо укорененного в национальной ментальности значения, актуализирован знаковый для русского модернизма колористический эпитет «желтый» (А.Блок, И.Анненский, О.Мандельштам), в религиозно-поэтическом сознании А.Вознесенского символизирующий распад и «развоплощенность» современного бытия. Показательна еще одна особенность – продуцирование в лирическом субъекте аутентичных черт юродства как особого пути святости, которые актуализированы А.Вознесенским в двух ипостасях: а) в концепте духовного

странничества, ценностной вертикалью которого является Вознесение Духа, поиски идеала «в пространствах христианства»; б) в реминисцентном воссоздании особой речевой выразительности (в древнерусском юродстве – это косноязычие, глоссолалия), которая в религиозно-поэтическом сознании А.Вознесенского выступает маркером национальной идентификации и вводит его творчество в русло многовековой духовно-поэтической традиции. Эти же функции – национальной самоидентификации – выполняют аллюзивные ссылки на образ Божьей беженки «с ребеночком на руках», уходящей по небу «над лугом погибшим Бежиным», «канонизированные» в русской культуре персоналии «квазиюродивых» – П.Чаадаева и В.Розанова («Чаадаевской картошки понарою / Волчьей ягоды нажрусь до тошноты»). В типологически сходном М.Волошину коде юродства современным поэтом осмысливается национальная трагедия утраты корней и богооставленность, которая отражается в разрушении русской культуры, обнищании духа на фоне торжества «тьмы литературных урок» и «культпросветвышибал» в «самоубийственной стране» – «во Христе юродивой Руси» (М.Волошин), «распятой России» (А.Вознесенский).

В парадигматике, приближенной к народной религиозности, реконструируется концепт юродства в поэзии В.Блаженного: это нахождение на границах культурно-освоенного мира («Я родился изгоем и прожил по-волчьи изгоем, / Ничего мне не надо из вашей поганой руки»), скитание в поисках истинной веры, апофатическая модель отношений с Богом. С народной верой (традиция Н.Клюева, С.Есенина, Вяч.Иванова) поэта сближает сакрализация Матери-земли, благоговение перед святым материнством Богородицы. Одной из черт концепта юродства в религиозно-поэтическом сознании В.Блаженного является близость образу «проклятого поэта» в романтико-модернистском изводе («Променяв осторожный удел человека / На высокую участь Поэта-Бродяги»).

В подразделе 3.2 **«Модели паракристианского религиозно-поэтического сознания, специфика жанрово-стилевых доминант»** рассматривается культурная преемственность паракристианского религиозно-поэтического сознания, которое воплощается в двух типах: культурно-религиозном (А.Блок, А.Белый, И.Бунин, В.Набоков, И.Бродский, С.Стратановский, И.Тюрин, В.Шнейдер), с акцентуацией первой лексемы как смыслопорождающей, и национально-религиозном, отражающем культурно-ментальные аспекты (Н.Клюев, С.Есенин, Ю.Кузнецов, поэты второго ряда почвеннической ориентации). Подчеркивается, что в культурно-религиозной модели поэтического сознания устанавливаются довольно сложные отношения с Абсолютом, поскольку его носители, как правило, далеки от догматико-обрядовой стороны вероисповедания и конфессиональной определенности. Тем не менее, духовные поиски, весьма напряженные, протекают в парадигматике христианства с привлечением элементов корневых религиозно-мистических систем античности, синтеза христианства и гностицизма, иудаизма. Аксиологические координаты этого типа религиозно-поэтического сознания размыты, сакральная топика подвергается перекодировке, семантической инверсии,

образы и идеи рассматриваются в амбивалентной проекции, наблюдаются трансформации библейского канона в формах *parodia sacra*, апофатики.

Духовно-культурная преемственность как центрирующее начало в религиозно-поэтическом сознании культурных эпох начала и конца XX века (и это одно из основных положений исследования) особенно показательно проявляется в христоцентризме. Ядром концептосферы культурно-религиозного сознания является образ Иисуса в общехристианской версии, привлекающий авторов, несмотря на их «одержимость амбивалентной христологией» (Д.Бетеа), прежде всего, экзистенциальными чертами, живым обаянием Христа-человека и связанной с Ним красотой новозаветной этики. Есть все основания отнести эту особенность к стержневым тенденциям культурно-поэтического развития рубежей XX века, поскольку уподобление Христу характерно и для других типов, например, национально-религиозного сознания С.Есенина, хотя его истоки в другой религиозной парадигме. В работе показано, что наиболее ярко феномен христоцентризма проявляется в модели уподобления поэта Христу (Ф.Сологуб, В.Брюсов, К.Бальмонт, А.Блок, А.Белый, О.Мандельштам, И.Бродский, А.Вознесенский, В.Блаженный), что в той или иной мере влияет на культурно-религиозное самоопределение и формирование авторского мифа. Поэтическая традиция «отождествления» лирического субъекта с образом Иисуса Христа, восходящая к романтическому образу поэта-мученика XIX века (В.Жуковский, В.Кюхельбекер, А.Пушкин, М.Лермонтов), получает новый импульс в поэзии рубежей XX века. В культурно-религиозном сознании модернизма и постмодернистской эпохи автором диссертации зафиксировано несколько таких моделей: сопряжение креативной функции поэта и Христа (Бога) (К.Бальмонт, Ф.Сологуб); уподобление поэта Христу, Его крестному пути и искупительной жертве (А.Блок, А.Белый, В.Маяковский, О.Мандельштам, И.Бродский, А.Вознесенский, В.Блаженный); сближение в эсхатологической перспективе *Poeta vates* и Логоса-Христа, пересекающихся в Слове (Вяч.Иванов); Христос – Художник (А.Блок, Ю.Кузнецов). Наиболее многогранное воплощение получает «подражание» поэта Христу, менее продуктивная по сравнению с другими последняя модель, маргинальная – *Poeta vates* и Логос-Христос.

Типологическая схожесть реализации этой модели прослеживается в использовании как традиционной библейской топики и атрибутики (Голгофа, Гефсиманская ночь, крест, стигматы, голгофские гвозди, камень, погребальная пещера, рождественская звезда, терновый венец, красные розы, свет, Страстная (ночь), багряница, Иуда, Тайная Вечеря), так и образов-символов, характерных для стилевых течений модернизма, преимущественно с инверсивными, богоборческими или негативными коннотациями (лже-Христос, потухшие чайные розы, невоскресший Христос, распятая высота, звезды без глаз, Новый Христос, жертва вечерняя, новые раны, тринадцатый апостол, любви тысячелистое Евангелие, новый Ной, другой Назорей). Мотивная структура, гетерогенная в своей основе, скрепляется ценностными для христианской аксиологии мотивами духовной нищеты, смирения и приятия Высшей воли, жертвенности и готовности повторить

подвиг Христа путем прохождения через мировое зло, богопознания. Однако при этом артикулированы мотивы богооставленности и «беспастырности», интерпретированные в романтическом ореоле избранности; богоборчества и человекобожия, сопряженные с играми разума, элементами нарциссизма, кощунства и теозстетизма.

При общем типологическом сходстве ориентаций поэтов-модернистов и современных авторов на личность Христа в парадигме аутомессианизма (А.Ханзен-Леве) не менее существенны и различия. Особенно ярко они проявляются в подходах к аксиологии и поведенческим сценариям Его искупительной жертвы, художественно воплощенных в триаде мистерии Иисуса, ее жанрово-сюжетных элементах – грехопадении, искуплении и Воскресении.

Наиболее полно и последовательно перевод христианского кода в миф собственной жизни осуществляется в «судьбе и вести» О.Мандельштама. Пасхальная доминанта определяет его культурно-религиозное сознание: поэтически это выражено в образах жен-мироносиц, «сырой земле родных», «призванье» которых – «приветствовать воскресших».

Жертвенный кенотический статус Христа, сопряженный в рецепции современников с блоковским мифом (М.Цветаева, А.Ахматова), оформленный в модели *alter ego* поэта, А.Блоку навеян поэтическими образами народной религиозности, мистических сект и старообрядчества. Однако для лирического субъекта А.Блока идея Спасения перерастает в ее проблему: поэт «мог религиозно пережить лишь Сына Человеческого, соблазненный идеей своего с Ним единения. Он и сам знает, что его Христос – «не воскресший»⁸.

Специфика аутомессианизма В.Маяковского заключается в воссоздании жертвенного пафоса «нового Христа», гиперболизированные интенции которого в катарсисе и спасении человечества сопряжены с гностико-еретическим богоборчеством и дуализмом ангельского / демонического, с утопической верой в успех его сотериологической миссии, подкрепленной хилиастическими чаяниями. Его лирический субъект – творец нового сакрального слова – «стихов», которыми «будут детей крестить».

Концепт «лже-Христа» Андрея Белого отражает глубокий кризис культурно-религиозного сознания, вызванный страхом перед ложным посвящением, обманными путями богопознания, скептицизмом по отношению к эсхатологическим пророчествам о скором пришествии Христа и собственному аутомессианизму. Эти наиболее значимые в ценностном мире автора концепты и образы подвергаются иронически-карнавальному обыгрыванию и деструкции. Лжемессия – одна из масок авторской самоидентификации, трагический инвариант сквозного для А.Белого-теурга мотива жизнотворчества. Как и в культурно-религиозном сознании А.Блока, его Христос «не воскресший»: показательна тематическая и образная перекличка стихотворения А.Блока «Сон» и А.Белого

⁸ Федотов Г.П. На поле Куликовом // Федотов Г.П. Святые Древней Руси; Сост. и вступ.ст. А.С.Филоненко. –М.: ООО «Издательство АСТ»,2003. – С. 547

«Матери» (цикл «Безумие»). Более того, мечта о спасении реализуется в экзистенциально пограничной ситуации – в сумасшедшем доме, в воспаленном сознании больного.

Лирический субъект И.Бродского – «испытатель боли», обречен на повторение пути Иисуса «здесь, на земле» (зачин и рефрен нескольких строф стихотворения «Разговора с небожителем») без надежды на благодать и Воскресение. Семантическое поле образа жертвы структурирует сакральная образность, хронотоп, оппозиция восхождение / нисхождение, характерная для поэтики символистов, аллюзия на крестные муки Христа даже во второе Его пришествие: «стигматы завернув свои в дерюгу, / идешь на вещи по второму кругу, / сойдя с креста». Выявленная диссертантом типологическая схожесть и различие моделей уподобления поэта Христу на уровне стилистики, интеллектуально-духовных измерений в поэтическом процессе рубежей XX века дает основания считать ее стержневой тенденцией, формирующей новый тип художественной целостности.

В данном подразделе рассмотрена **специфика национально-религиозного типа поэтического сознания**, в структуре которого духовно-ментальная доминанта обозначена обостренным интересом к проблемам национального самосознания, вопросам духовного обновления, возвращения к истокам Веры, религиозно-мистическому опыту народа, то есть «почве», модифицируя в новой ситуации неославянофильские интенции русского символизма (А.Блок, Вяч.Иванов). Точкой пересечения культурно-религиозного и национального сознания является интерес к архаике, национальной ментальности и религиозности, что воплощается в концепте Русского Христа у А.Блока, русской идее у Вяч.Иванова, мифопоэтике и реконструкции религиозно-фольклорных жанров. Топос национально-религиозного типа сознания включает концепт двоеверия, языческую славянскую архаику, экстатический элемент мистического сектантства, прежде всего хлыстовства, традиции старообрядчества. Отношения с Абсолютом характеризуются ориентацией на Новый Завет и его этику, преломленную через призму народного православия, на пасхальный архетип и средневековые модели русской религиозности, выступающие маркером национальной идентичности.

Культурная преемственность в структуре этого типа сознания наиболее ярко отражена в жанрово-семантическом комплексе, который включает поэтические изложения евангельских сюжетов и истин, художественное воплощение образов старцев, пустынников, русских святых, несущих отсвет духовного опыта. Активно используются мифопоэтические образы народной религиозности, воспринятые через апокрифы, другие неканонические источники. Актуализируется «память» религиозно-дидактических жанров средневековой словесности: видений, духовных стихов, примеров (*exemplum*), религиозной медитации.

В концептосфере национально-религиозного типа сознания доминирует концепт Русского Христа. В его парадигматике развиваются и другие, имманентные национальной ментальности, например, концепт духовного странничества. Но есть и отличия: если в религиозном сознании А.Блока («Вот он, Христос, в цепях и

розах...»), С.Есенина («Шел Господь пытаться людей любовью...»), «Без шапки, с лыковой котомкой...») доминирует кенотический «зрак» Христа, то у Ю.Кузнецова – это Христос во Славе.

Концепт земного рая, отражающий хилиастические настроения народной веры, мессианское сознание, представления о крестьянской утопии в народно-религиозном сознании С.Есенина («Тучи с ожереба...», «Певущий зов», «Инония»), воплощает «эсхатологизм народной души, алкание последних времен и сроков, грядущего преображения»⁹. Рай у Ю.Кузнецова, по сути, также утопия, представлен знаковой мифологемой русской ментальности – Градом Китежем, исчезнувшим в озере Светлояре («Солнце родины смотрит в себя...»), «Не поминай про Стеньку Разина...»).

Рецепция образа Богородицы в близкой к народной вере системе координат характерна для Н.Клюева, С.Есенина, Ю.Кузнецова. Наследуя традициям православной иконописи и народной религиозности, поэты воспевают Божественное материнство. Однако при типологической схожести не менее показательны и отличия. Образ Божьей Матери С.Есениным разрабатывается в нескольких направлениях: псевдолубочном – парафрастика народных легенд, сказаний; Божья Мать как олицетворение крестьянской утопии, грядущего «преображения», ее образ десакрализуется, наделяется мирскими чертами; скорбящая мать (в традиции духовных стихов). В творчестве Ю.Кузнецова образ Богородицы воплощен в духе «высокого средневековья» и глубоко трагичен: она проходит крестный путь вместе с Богом и сыном. В есенинском творчестве в образе Богородицы присутствует элемент мистической эротики, характерный для культурного контекста эпохи (А.Блок, М.Кузмин) в отличие от строгого и серьезного отношения к сакральному Ю.Кузнецова.

Диссертантом отмечены знаковые для национально-религиозного сознания образы: Голубиной книги, Страшного суда, Славы Господней (*Majestas Domini, rex gloriae*), мифологемы света, тьмы, чуда, любви (агапе), бездны, древа, белого камня, духовного зренья, мирового яйца. В отличие от других типов религиозно-поэтического сознания, в исследуемой модели евангельские образы и мотивы не подвергаются, как правило, иронической деконструкции. Исключение составляет отношение к догматически-охранительным тенденциям православия.

В религиозно-философской поэзии рубежей XX века прослежен экзистенциальный вектор культурно-религиозного сознания (И.Анненский, И.Бунин, И.Бродский, С.Стратановский, Г.Русаков, И.Тюрин, В.Шнейдер). Автором отмечается типологическая схожесть в системе инвариантных мотивов, которые дополняются вариантами «русской версии», связанной с актуализацией метафизической проблематики. Это мотивы трагизма человеческого существования в ситуации Богооставленности и метафизического отчаяния; непредсказуемого своеволия Высших сил; глухоты Бога и отсутствия адресата; тоски по Богу,

⁹ Семенова С. Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика. Видение мира. Философия. – М.: Наследие, 2001. С.140

происходящей от удаленности от Него, и желание «детской» веры; абсурдности бытия и невозможности его преодоления вне диалога с Абсолютом, который рассматривается лишь гипотетически, прежде всего в модусе некой надежды. Знаковым для экзистенциального сознания рубежа XX-XXI веков является расширение пространства одиночества до космических пределов, вплоть до манифестации одиночества Бога. Религиозная компонента «русской версии» экзистенциализма, восходящая к «оксюморонному алгоритму художественного сознания Серебряного века» (Р.Спивак), обусловлена влиянием религиозной философии на литературный процесс. Типологически сходным с культурно-религиозным сознанием русского модернизма является неприятие официальной церкви, ее догматики и обрядов, то есть христианства, названного на первом рубеже XX века историческим.

Анализ новейшей русской поэзии позволяет утверждать особую весомость в экзистенциальном дискурсе религиозного опыта и библейской образности Ветхого Завета, ставших универсальным языком одиноких «разговоров» человека с Богом (С.Стратановский, Г.Русаков, И.Бродский). Из ветхозаветной топики актуализированы образы Авраама, Исаака, пророка Ионы, Каина, Иова в их укорененной экзистенции или инверсированной семантике. Наиболее яркий и востребованный среди них – архетипический образ многострадального праведника Иова, который выступает символическим центром экзистенциального сознания. Присутствие Абсолюта заявлено преимущественно в двух Его ипостасях – ветхозаветного Бога, за Которым признается Мощь и Сила, корреспондирующие с сомнениями в Его благодати, и в образе Сына Божьего. «Русская версия» экзистенциального сознания также обнаруживается в характерной для национальной ментальности и народной религиозности близости к новозаветной вере, исповедующей сострадательность к кенотической стороне Божественного подвига Иисуса. В этом проявляется общность культурно-религиозного, экзистенциального и национально-религиозного типов религиозно-поэтического сознания, исповедующих христоцентризм как высшую сакральную ценность.

В разделе IV – «Внеконфессионально-религиозный тип поэтического сознания в модернизме и в русской поэзии конца XX века», в который входят два подраздела: 4.1 «Масонский код в модернизме и в новейшей русской поэзии»; 4.2 «Деконструкция сакрализованного сознания тоталитарной культуры в русской концептуальной поэзии» – исследованы особенности рецепции масонской образности, символики, интертекста, а также внеконфессиональная религиозность утопического сознания в поэзии рубежей XX века. Отправной точкой подраздела 4.1, в котором идет речь об опыте эстетического освоения масонской внеконфессиональной религиозности, является следующее положение: религиозно-поэтическое сознание рубежей XX века, если оценивать его с точки зрения «полифонической», отнюдь не свободно от «диаволического дискурса» (А.Ханзен-Леве), гностического демиурга, пародий на культ, рискованной игры с сакральным, интереса к оккультизму, антропософии и теософии, мистицизму различного рода. В поэзии Н.Гумилева, О.Мандельштама, М.Волошина, в новейшей поэзии

художественно реализованы знания эзотерики, ее этических норм и постулатов, представлены трансформации символики, посвятельного ритуала масонской внеконфессиональной религиозности. Особое место в разделе уделяется художественному воплощению ритуалистики и образно-символической системы масонства в поэзии М. Волошина. Отмечается, что масонский код в его творчестве синтезирован с другими оккультными доктринами и практиками, в частности антропософией, традиционным и неканоническим христианством, что вполне отвечает духу времени и не противоречит целям посвятельного Ордена. Эзотерические корни объединяют «французские циклы» поэта: «Париж», «Руанский собор», перекликающийся с отрывками из незаконченного «Духа готики», цикл «Звезда Полынь», двойной веночек сонетов «Lunaria», «Corona Astralis».

В диссертации проанализирован цикл М.Волошина «Руанский собор». Акцентируется, что системообразующим для циклового ряда является линейный принцип развертывания тематически-образного ядра – мифологемы пути, цель которого – мистическое соединение «внутреннего человека», стремящегося познать свет, с «внутренней церковью» – ключевой идеологемой масонства, понимаемой как Царство Божие внутри человека. Образ Руанского собора полисемантичен: он синтезирует значения культового здания, внутреннего состояния духа и вселенской церкви. Очевиден масонский подтекст – путь неопита, должного умереть для прежней жизни, сопровождается тяжелой духовной работой по «обтесыванию» грубого камня, из которого будет воздвигнут храм его души, соединившейся в мистериальном посвящении с Абсолютной Истиной, в которой Бог – это великий Зодчий. Великолепие и красота Верховного Строителя – Бога (в скобках отметим, что в русской поэзии XVIII века также укоренен отмеченный масонским влиянием этот образ) отражены в соборе. Тем самым подчеркивается высокий ценностный статус архитектуры в масонской символической системе, сохранившей память о строителях и зодчих, начиная с культовой фигуры Хирама Абифа.

В семантическом поле цикла «Руанский собор» актуализированы и другие символы и знаки, идентифицирующие сугубо масонскую парадигму, например, «звенья позвонков» (как и в поэзии Н.Гумилева («Огненный столп»), О.Мандельштама («Нашедший подкову», «Век»). Этот образ-символ наделен особой валентностью, так как согласно секретной доктрине столб позвоночника содержит сакральное число – тридцать три звена, через которые движется Духовный Огонь – воплощение духовной сущности человека, заключенной в теле. Типологический ряд образов-символов: «камень», «крылья», «небо», «собор / церковь», «ночь», принадлежащие к традиционной масонской топике, «работают» на общую семантику ритуальной смерти, очищения, возрождения, то есть выхода в трансцендентное. Авторский «ключ» для «расшифровки» эзотерического подтекста и символической системы указывает на мистическую семантику гептады: это «семь ступеней» крестного пути (в христианской парадигматике), а также тайна пути обретения посвященного гнозиса, запечатленная в семи стихотворениях цикла «Руанский собор».

Масонский код цикла контаминирован с традиционными для христианской культуры образами, например, евангельского зерна («семени»), которое должно стать прахом, чтобы затем воскреснуть в новой жизни («Здесь истлеть, как семя в темном дерне, / И цветком собора расцвести»), с фольклорно-мифологическим образом Великой Матери сырой земли, который в мифопоэтике М.Волошина сакрализован до евхаристического. В мистике искателя Внутреннего Света, каким до конца своих дней остается М.Волошин, отголоском гностического мифа является дуалистическая модель света и мрака, также показательная для масонства, составляющие которой маркированы поэтом традиционно: «свет страданья», «свет очей», «светлые ризы» в противовес «злему сердцу мрака», от которого искупитель-герой, принеся себя в жертву, должен избавить мать-землю.

В цикле «Руанский собор» актуализирован устойчивый для масонской традиции мотив ритуальной смерти, в транскрипции поэта – «экстаз, момент высшего восторга жизни», космическое вознесение духа, освобождение от бренности земного притяжения, поскольку «ценностным центром» выступает духовная вертикаль. Последняя персонифицирована выющимися ввысь прозрачными ступенями, выводящими в трансцендентное пространство. Его «надмирность» обозначена рядом символов: астральными («пламя белых звезд»; «пыль миров»), колористическими, сугубо масонскими, но и близкими по сакральности к символике и мифопоэтике В.Соловьева («лазоревая твердь»), пространственными. Посредством пространственной символики достигается изоморфность макро- и микрокосмоса, а именно: посвятельный путь «в мирах по остриям соборов» («Я иду алмазными путями, / Жгут ступни соборов острия»), визуально проецируя горизонтальное и вертикальное передвижение, воссоздает архетипическую модель креста («Вы, миры, – вы огненные гвозди / Вечный дух распявшие на крест»). Все это показывает, что в цикле «Руанский собор», как и во всем творчестве М.Волошина, символика включает систему культурных референций, для «прочтения» которой могут быть использованы различные коды. Изоморфные культурно-теологические парадигмы создают его многослойный смысл, что также характерно, например, для поэтики Н.Гумилева («Пятистопные ямбы»).

В отличие от мистического опыта визионерства и духовидения, более востребованного современной поэзией, сравнительно маргинальная масонско-розенкрейцерская линия в том или ином объеме и типе художественной модальности представлена в поэзии Е.Шварц, Ю.Кузнецова, А.Миронова, А.Еременко, Е.Боярских. Отмечается, что для поэзии рубежей XX века типологически схожим остается общий интерес к этому культурно-историческому явлению, его адогматизму и внеконфессиональной свободе, использование в поэтическом пространстве знаковых фигур, масонской ритуалистики и символики, аллюзивно-реминисцентного репертуара в аутентичном значении или модифицированном виде. Масонский и шире – эзотерический – дискурс наиболее ярко отражен в поэзии Е.Шварц в ироническом модусе рецепции масонских святынь и ценностей, десакрализации («Забавы.(Осьмнадцатый век)»), «Путь желаний – позвоночник»), травести («Обрусение Кундалини», «Кострома-Дионис (реконструкция мифа)»), «Воробей», «Воздушное Евангелье»). Основные приемы – создание игровой ситуации, прием метаморфозы, языковая игра, тонкий юмор, элементы игрового примитива (нарочито угловатые языковые конструкции), включение образов-символов, наделенных особым ценностным статусом в масонстве (слепота, огненный столб, череп с берцовыми костями, Святой Грааль), культовые для масонства мотивы – танатический, земной тщеты, духовного возрастания.

В реферированной диссертации подчеркиваются различия: если для модернистов интерес к глубокой архаике и эзотерическим практикам – это возможность расширить культурно-религиозные горизонты, открыть истоки

Богопознания, реализовать чаемый синтез и всеединство, то для новейшей поэзии – это эскапизм в неосвоенные литературой территории (для поэзии андеграунда), игра с эзотерической образностью как одним из языков культуры.

В подразделе 4.2 рассмотрен тип **внеконфессионально-религиозного сознания**, зафиксированный в **сакрализованной реальности тоталитарной литературы** и ставший предметом деконструкции в поэзии, отмеченной чертами постмодернистской эстетики. Концептуализируя структуру этого типа сознания, подчеркнем ярко выраженный религиозный синкретизм, отмеченный ранее во внеконфессиональности модернизма: это модификация гностических идей неприятия ущербного Божьего мира; трансформация мифа о демиурге; гностического толка дуалистическое разделение человеческого существа на враждебные дух и плоть; раскол мира как оппозиции добра / Света (тоталитарная система) и зла / Тьмы (все остальные); секуляризированный в марксистском учении иудейский хилиазм; ветхозаветные и христианские вероучительные модели, этические концепты в инверсированной семантике (по Н.Бердяеву, «тоталитаризм есть обратная сторона христианства»).

В работе исследован комплекс базовых концептов и установок массового сознания, аккумулировавшего черты внеконфессиональной религиозности, художественно воплощенной в литературе / культуре соцреализма. Их деконструкция определяет креативные стратегии концептуализма («Мама мам (маргиналии к «Третьему Завету» А. Н. Шмидт)», «Речь идет (маргиналии к Французской Книге)» М.Сухотина, «Банальные рассуждения на банальные темы», «Махроть всея Руси» Д.Пригова, поэмы «Лесная школа», «Жизнь Черненко», «Сквозь прощальные слезы», поэма-послание «Л. С. Рубинштейну» Т.Кибирова).

В подразделе проанализирован корпус поэзии Т.Кибирова как наиболее репрезентативной для изучения поставленных проблем. Отмечается, что внеконфессионально-религиозное поэтическое сознание Т.Кибирова включает разнообразные модусы отношения со Всевышним: от страстной мольбы наполнить душу верой и Божьим присутствием, по силе напряжения сравнимой с библейской поэзией («Созижди, Отче, чудеса в душе моей...»), от надежд на соборное единение, спасение памятью о Фаворском свете и Голгофе («Русская песня», поэма «Рождество») и воспевания в розановском духе радостей частного бытия как части богоданного творения («Парафразис», «Послание Ленке»), от взгляда на христианство как на духовную силу, способную вывести постсоветский социум из морока язычества и богоотступничества («Лесная школа») до богоборческих обвинений в духе гностической ереси в равнодушии к человеку, в допущении «апокалипсиса» в отдельно взятом районе столицы и стране, в катастрофичности и распаде («энтропии») бытия и личности («Воскресенье», «Русофобская песня»). Наряду с хвалой провозглашаются инвективы, сопряженные с мотивами трагической богооставленности, сомнениями в Божьей милости, возможности прощения в ситуации Конца. Его приближение поэт драматически ощущает в действительности и моделирует в художественной реальности, используя политизированные интонации соц-арта, ироническое пересмешничество,

постмодернистскую полистилистику («Ответ Ю. Ф. Гуголеву», «Щекою прижаться к шинели отца...»).

Внеконфессионально-религиозный тип поэтического сознания Т.Кибирова демонстрирует причастность к традиции модернизма ярко выраженным христоцентризмом и эсхатологической компонентой, фиксирующей переход от идеологического диктата к «переоценке ценностей» в парадигматике Конца Света. Особенно ярко это продемонстрировано в его раннем творчестве («Христологический диптих»). В соц-артовском ключе поэт воссоздает апокалиптическое видение – битву между силами Зла (Сталин на Бледном Коне, Хрущев в сонме ангелов бездны) и силами абсолютного Добра в облике Младенца Иисуса. Конец времен невыносимо страшен: это состояние лирического субъекта отражает предельно заостренная эмоциональность (обилие конструкций с восклицательной интонацией, экспрессивная лексика). Не менее драматичны его переживания о предстоящих голгофских муках Иисуса, Которого снова предадут «здесь и сейчас», так как в ситуации приближения Зверя никто не спасет Его, подобно Алилуевой жене: «И уже никого не найти, / кто бы спрятал младенца Христа / под рубахой на потной груди»; «Он опять пропадет ни за грош» (аналогичный мотив характерен для А.Блока, С.Есенина, В.Набокова). Аллюзивное обращение к духовному стиху о «Милосливой жене милосердной» – это также традиция предыдущего литературного опыта, расширившего духовно-культурный контекст эпохи использованием поливекторного потенциала духовного стиха (М.Кузмин, А.Добролюбов, И.Бунин).

Тематически близкая ситуация отражена в стихотворении Вяч.Иванова «Тебе завет, потомок мой...», пророчески предсказавшего падение веры и нашествие Зверя. Единственный, Кто убережет от погружения во тьму – это Младенец, которого необходимо спасти в своей душе. В отличие от поэта-символиста Т.Кибиров приходит к пессимистическому выводу относительно возможности спасения. В его апокалипсисе отсутствует ядро эсхатологизма – Страшный Суд – как последняя надежда на справедливость и преображение мира. Это одно из коренных отличий внеконфессионально-религиозного типа поэтического сознания от традиционно-догматического.

В ходе анализа прослежена еще одна типологическая параллель творчества Т.Кибирова с поэзией модернизма: это актуализация рождественской темы, в которой жанровый канон календарной поэзии обновлен за счет привлечения тематически новых источников и приемов соц-артовской поэтики («Рождественские аллегории», поэма «Рождество»). Христоцентризм проявляется в ориентации автора на догматику и этические константы Нового Завета: всепрощение, сострадание и милосердие, таинство евхаристии, пасхальность. Сакральный центр иерархичного сознания поэта («Божество иль Абсолют, как подчас Его зовут») маркирован именем Иисуса. Вместе с тем отличительной чертой внеконфессионально-религиозного типа поэтического сознания является амбивалентность в отношении с Абсолютом, сближающая его с парахристианским: надежда на милость сопряжена с сомнением в Божьей Благодати.

На фоне размытых жанровых канонов неклассической эстетики Т.Кибиров относится к категории поэтов, для которых характерно акцентированное жанровое мышление, о чем свидетельствуют авторские номинации: «Молитва», «Переложение псалма», «Эпитафия бабушкиному двору». В жанровом репертуаре поэта легко адаптируются пародийные агиографии, сохраняющие доминантные признаки исходной модели, пародийные молитвы, тяготеющие к *parodia sacra*. В русской духовно-поэтической традиции жанр стихотворной молитвы представлен широко и многогранно. Даже если ограничиться Серебряным веком, то это имена, безусловно, первого ряда (З.Гиппиус, Д.Мережковский, Н.Минский, Н.Гумилев, М.Цветаева). В отличие от «молитвослова» Т.Кибирова, преимущественно приватно-мирской направленности, в корпусе стихов Серебряного века жанр молитвы глубинно отражает внутреннее видение и переживание ситуации Богообщения, метафизических истин, несет их мистический и духовный свет, действительно являясь лишь одной из поэтических форм, которую «принимает в душе молитва» (З.Гиппиус). Иными словами, факт культурной преемственности налицо, но другой масштаб и накал сферы религиозных исканий, художественно воплощенных в образе Бога, в духовном воссоединении в молитве человека и Творца.

В реферированной диссертации исследована деконструкция Т.Кибировым (поэмы «Лесная школа», «Жизнь Черненко», «Сквозь прощальные слезы», поэма-послание «Л. С. Рубинштейну») внеконфессионально-религиозного – утопического сознания, актуализировавшего христианский код и аксиологию. Фундаментальные категории христианства, как они отрефлексируются в тоталитарном сознании, рассмотрены диссертантом в двух плоскостях: в исконном сакральном значении и перверсивном, характерном для художественных форм утопического дискурса. Выявлено, что соц-артовская пародийность и травестирирование, перекодировка, семантический сдвиг – основные приемы демифологизации концептуалистами наиболее эпохальных идеологем. К последним относим: коллективистское сознание как пародия на соборность; секуляризированная модель Бога-Отца, реализованная в патернализме вождей и статусе советских дочерей / сыновей; модификации символов традиционной мифологии – райского сада, когда Система наделяется устойчивым ореолом некоего подобия земному раю и утверждается в массовом сознании как конечное состояние мироустройства; метаморфоза библейской теологемы Пути в идеологему «светлого пути», «верной дороги» с патерналистским вождем («новым Моисеем») во главе; профанация божественной креативной функции в создании нового человека как основного неомифологического атрибута утопической культуры; актуализация христианской идеи жертвенности, укорененной в русской культуре и перекодированной в текстах соцреализма, ее деконструкция в готовых жизненных сценариях («делать бы жизнь с кого?») и пародийных агиографиях.

Таким образом, исследование показывает значимость религиозной проблематики в русской поэзии, отмеченной чертами постмодернистской эстетики, ее движение к положительным ценностям. Поэзия концептуалистов демонстрирует

еще одну модель культурной преемственности – открытый диалог, включающий полемичность, травестирирование, перекодировку и инверсию.

В разделе V – «Специфика духовно-художественных поисков литературы Серебряного века и рубежа XX-XXI столетия: концептосфера религиозно-поэтического сознания в аспекте культурной преемственности (на материале лиро-эпического творчества Ю.Кузнецова)», который состоит из четырех подразделов, – прослежена духовно-культурная традиция как центрирующее начало в религиозно-поэтическом сознании переходных эпох начала и конца XX века, ее функционирование в поэтических системах с ярко выраженными национальными особенностями. Отмечено, что закономерности этноспецифических черт в рецепции христианских образов и ценностей наиболее глубоко и емко проявляются в национально-религиозном сознании Ю.Кузнецова, концептосфера которого представлена концептом Русского Христа как ее «ценностным центром», а также концептом Веры, духовного странничества, Ада.

В подразделе 5.1 **концепт Русского Христа** рассмотрен **в научной рецепции** и **в транскрипции поэтов** – носителей народно-религиозного сознания и символистов, тяготеющих к русской архаике и народной вере. Отмечена парадоксальность соединения в Русском Христе апокалиптического и нигилистического сознания, воплотившегося не только в разрушении старого мира, но и в насильственном уничтожении истории, в разгулявшейся стихийности и пассионарности «широкого русского человека» (Ф.Достоевский). Акцентирована прагматика данного феномена: поиски Русского Христа – «мистической сущности, которая объединяет всех» (А.Эткинд) связаны с попытками обретения устойчивых духовных ориентиров, национальной идентичности.

Исходя из определения концепта как «сгустка культуры в сознании», «в ментальном мире человека» (Ю.Степанов), как образа-понятия, автором диссертации описаны парадигмальные характеристики концепта Русского Христа. В теоретической модели зафиксированы следующие структурные компоненты, в том или ином виде реализованные в креативных практиках: *художественно-эстетические* (в христоцентричном религиозно-поэтическом сознании рубежей XX века образ Иисуса реализуется поливекторно: это парафрастика евангельских сюжетов и топики; создание «современных» апокрифов; актуализация образа Христа как мифологемы); *культурно-теологические* (происходит, как в народной религиозности, так и в религиозно-поэтическом сознании модернизма, смещение акцента в сторону безвинного мученика и страдальца Иисуса. Для новейшей поэзии характерен Христос во Славе. Константой является особое почитание «теплой заступницы мира холодного» – Богородицы); *онтологические* (с Русским Христом связано восприятие Божьего мира в качестве всеобъемлющего храма Творца, который имеет дольное отражение в нищей скудости природы, похожей на «умалившегося» в смирении и жертвенности Иисуса); *эсхатологические* (в Русском Христе отчетливо выражено присущее национальной ментальности ожидание Конца. Особенное значение имеет апокалиптическая идея, профетически связанная с национальной историей как Страшным судом над всеми сторонами русской

жизни. Из характерных черт русского христианства, определяемых эсхатологической компонентой, показателен высокий ценностный статус духовного странничества, цель которого – взыскание Иерусалима Небесного); *сотериологические* (мистерия умирения-Воскресения Иисуса, воплощенная в пасхальном архетипе, является ключевой для национальной ментальности); *этические* (концепт Русского Христа включает в себя идеалы святости, характерную для национального самосознания аксиологию, доминанта которой – любовь к убогим и несчастным, кротость, нестяжание); *психологические* (экстатические переживания любви к Иисусу могут быть парадоксально автономны по отношению к Его учению и церковной догматике). Таким образом, диссертантом зафиксирован еще один механизм формирования генетической преемственности: актуализация «забытых смыслов» (М.Бахтин) в таком ментальном образовании, как культурно-религиозный концепт, сохранившем культурную память в творческих и рецептивных процессах при неизбежной модификации значений.

В подразделе 5.2 **«Образы Иисуса Христа и Богородицы: мифопоэтический код народной религиозности»** в литературоведческий обиход вводятся крупные лиро-эпические формы – поэмы Ю.Кузнецова «Золотое и синее» («Путь Христа») и «Сошествие в ад». Это одна из первых попыток их системного исследования. В центре внимания – воплощенная в идиостиле Ю.Кузнецова концептосфера национально-религиозного типа сознания, рассмотренная в аспекте русской ментальности через призму народно-христианских представлений, религиозного фольклора (апокрифов, духовных стихов), в культурной преемственности с поэзией конца XIX – начала XX века.

Отмечено, что в создании образа Божественного отрока Ю.Кузнецов обращается к культурной памяти древнерусского средневековья, наследуя традиции Серебряного века (Д.Мережковский, В.Набоков, М.Кузмин, М.Волошин, С.Есенин, Н.Клюев), также равнодушного к «потаенной литературе» и создававшего поэтические парафразы, прозаические «современные апокрифы». Используя парабиблейскую литературу, автор поэмы «Золотое и синее» открывает для секулярного сознания «Иисуса Неизвестного», вступая в сложные интертекстуальные отношения с претекстами. Подчеркивается, что в художественной реализации концепта Русского Христа специфическим приемом поэтики Ю.Кузнецова является перекодировка текстов отреченной литературы в парадигматике христианской аксиологии с разветвленным использованием образности и символики древнерусской книжности.

«Расцвечивая», как это делалось в русской фольклорной и книжной традиции, повествование фантастическими и бытовыми деталями, невероятными событиями и чудесами, воссоздавая внутренний мир сакральных персонажей, наделяя их речью и голосами (в русской поэтической традиции это художественное решение почти не имеет аналогов), автор в целом сохраняет нарративную основу евангельской истории. Образ Русского Христа раскрывается в двух сюжетных пластах – сакральном и мирском; сюжетобразующей является мифологема Пути: земного пути Иисуса, включающего Его крестный путь на Голгофу и Воскресение, и пути

трансцендентного – лирического субъекта ко Христу, реализованного в концепте духовного странничества.

Акцентируется, что из двух моделей, характерных для русской религиозности, – Иисус кенотический и Христос во Славе – Ю.Кузнецов актуализирует вторую модель. В концепте Русского Христа поэт воссоздает глубины христианской метафизики, «благой вести», принесенной Спасителем в этот порочный мир, а самое главное – характерное для русской религиозности трезвое видение сползания к «последним временам и срокам», когда уже не «Сладчайший Иисус», а грозный Пантократор и Судья станет справедливо вершить Страшный Суд над живыми и мертвыми. Единственное спасение от бездны – Христова Вера, сияющая «как золото на сини», которая искони исповедана русским народом в «памяти смертной» и в которой христианская духовность кровно связана с народной религиозностью, «языческой мифологией и народной поэзией» (Н.Бердяев).

Концепт Русского Христа, располагаясь в ценностных координатах национальной ментальности, поэтически воплощает феномен особого почитания Божьей Матери. В образе Богородицы поэтом разрешается апория правды и вымысла в художественном отображении сакрального, поскольку контаминация евангельских эпизодов с сотворенными в авторском воображении «работает» на единый смысл Ее состояния непрерывного общения с Христом, которого Она любит как Бога и как сына. Из одиннадцати фрагментов текста поэмы «Золотое и синее», связанных с Марией, шесть обращены к текстам Евангелий, остальные – плод авторского вымысла, который не противоречит ни евангельской истине, ни художественной правде.

Среди особенностей поэмы Ю.Кузнецова следует назвать ее лейтмотивную организацию. Так, в событии Благовещения впервые возникает мотив чаши и функционирует в дальнейшем как символическая система (чаша – символ Веры Марии; евхаристическая чаша Христа во время Тайной Вечери; чаша как символ судьбы Иисуса; чаша Святого Грааля с кровью Спасителя), соединяя Богоматерь и Иисуса в со-распятии на Голгофе и в Его грядущем Воскресении. Это единство символически отражено и в общем названии трилогии: «Золотое и синее», которое может быть прочитано, исходя из цветосимволики и сакральной семантики, как «Христос и Богородица».

В подразделе 5.3. **«Концепт Веры: мотивно-образный комплекс, фольклорно-мифологический текст»** – в центре внимания рецепция национально-религиозным сознанием Ю.Кузнецова идей и концептов религиозной философии начала XX века, а именно: мессианства, «русской идеи» в ее соловьевском изводе, известной как «мысли Бога» о нации в Вечности, идеи апокатастасиса. Концепты Веры и духовного странничества в поэтическом отражении Ю.Кузнецова репродуцируют один из национальных мифов – миф об историческом предназначении России в свете христианского идеала. Для художественной реализации концепта Веры автором используется ряд приемов, характерных для традиции модернизма: это трансформация евангельских сюжетов и образности, использование аллюзивно-реминисцентного пласта религиозного фольклора и

духовно-поэтической традиции, ремифологизация и создание авторских мифов, разветвленное включение библейской и славянской символики, рецепция культурного кода, жанровых структур средневековой религиозной литературы.

Реконструированная в мифопоэтике Ю.Кузнецова образность и символика, близкая аутентичным формам фольклора, славянской мифологии, средневековому религиозному сознанию, также зафиксирована в духовно-эстетическом опыте Серебряного века. Типологические параллели прослеживаем в скептическом отношении к догматическому вероучению («Царицы, ищущей смыслы») и «чаре» народной религиозностью; в амбивалентном освоении орнитологической символики как ортодоксального символа Святого Духа и еретического, маркирующего верования русских мистических сект (А.Блок, А.Белый, С.Городецкий, Вяч.Иванов М.Кузмин, К.Бальмонт, Н.Клюев, С.Есенин, А.Радлова); в высоком статусе в символизме и мифопоэтике Ю.Кузнецова мотива молчания, восходящего к мистике исихазма, гностической апофатике (Вяч.Иванов, А.Блок); в актуализации сектантского фона (голуби, терем, зерна, корабль, белые ризы), сакрального образа Святого Духа (Параклета – Утешителя), характерного для раскольничьей иконографии (А.Блок, Н.Клюев); во влиянии православной иконографии на словесный ряд образов, придании лику Иисуса антропологических черт славянского типа (А.Блок, Вяч.Иванов, С.Есенин, М.Волошин); в использовании культовых для мифопоэтического символизма «священных тонов» – лазури, белого, голубого, синего, восходящих к цветосимволике Вл.Соловьева.

В подразделе 5.4 **«Актуализация эсхатологической проблематики: «память жанра» видения в национально-религиозном сознании новейшей поэзии»** рассматривается трансформация жанровой матрицы видения в поэме Ю.Кузнецова «Сошествие в ад» в парадигматике концепта Русского Христа, структурными составляющими которого являются эсхатологическая идея как национальный мономиф и концепт духовного странничества. Ю.Кузнецов реконструирует маргинальный жанр видения, актуализируя его жанрово-тематические и стилистические потенции, тем самым участвуя в структурировании духовной вертикали в поэтическом процессе XX столетия и традиции в целом. Поэт-визионер описывает схождение в inferнальную бездну, картины потустороннего мира и адских мук, в которых мифологический план смыкается с современностью. Архетип ада, представленный общим для разного типа культур локусом, дополняется знаковыми для русской ментальности персоналиями, народными верованиями, воплощая национальный вариант Inferno. В духе древнерусских “визионерских” апокрифов Ю.Кузнецов создает натуралистические “рописи” мук, напоминая современникам о неотвратимости Божьей кары и таким образом решая имманентные жанру религиозно-дидактические задачи. Вхождение Ю.Кузнецова в традицию национальной религиозности, кроме жанрово-тематической аналогии, отражено в характерном для русской ментальности мистическом интересе к потусторонней “реальности”, к возможности спасения верой праотцов.

«Память жанра» видения проявляется в образе тайнозрителя, удостоенного откровения. В художественной системе Ю.Кузнецова таким высоким статусом наделен поэт – пророк, тайновидец, причастный высшим силам, что типологически сближает его с модернистской парадигмой «избранности» поэта. На образном уровне это подкреплено моделированием визионерской ситуации близости поэта-тайнозрителя к Иисусу.

В концептосфере национально-религиозного сознания Ю.Кузнецова духовное странничество отражает разные формы религиозного опыта с диаметрально противоположными характеристиками: скитальчество, оцениваемое автором крайне негативно как аналог богооставленности в противовес другой ипостаси – «беспокойства» (Ю.Степанов), исполненного высокого сакрального смысла Богоискания и Богопознания в свете последних времен. Мотив скитальчества раскрывается в знаковом для европейской культуры (как христианской, так и секулярной) образе Агасфера. В мифотворчестве Ю.Кузнецова он символизирует безблагодатное сознание, неспособное «построить» взаимоотношения с Богом из-за нищеты духа и мелочности сердца.

Духовное странничество визионера-тайнозрителя отражает его «возрастание» на пути к Христу, желание обрести Его в своем *cor ardens* и быть среди «призванных», записанных в Книгу жизни. Дальнейшее развитие концепта духовного странничества происходит в сближении образа тайнозрителя и авторского «я» почти до их полной нераздельности, поскольку путешествие в преисподнюю вслед за Иисусом совершает не только визионер, но и поэт, изменяя онтологический и сакральный статус: «Мне открывалось иное сияние мира». Этапы Богопознания – от внешнего восприятия событий до сакрального прозрения, когда автору доверено раскрыть правду о последних временах, переводят его в ранг посвященных, изменяют его взгляд на мир и творчество: «Отговорила моя золотая поэма. / Все остальное – и слепо, и глухо, и немо».

Типологическая схожесть отмечена в актуализации эсхатологического мифа в «петербургском тексте» поэмы Ю.Кузнецова «Сошествие в ад». Специфические ландшафтные реалии (фонтаны, болото) Ю.Кузнецов кодирует как инфернально-фантазмагорическое начало творения в оппозиции земля / болото и шире – в контексте антитезы Москва / Петербург, в русле которой Ю.Кузнецов продолжает многовековой спор о Востоке и Западе в русской истории, отраженный в русском символизме (И.Коновской (Ореус), З.Гиппиус, Ф.Сологуб, А.Блок, А.Белый). Особое значение в мифопоэтике современного поэта приобретает духовно-культурная сфера преданий, дивинаций и пророчеств, начиная с хрестоматийно известного «Петербургу быть пусту», легендами о проклятии города царицей Авдотьей Лопухиной и др., которые аллюзивно многократно включались в тексты поэтами Серебряного века (Д.Мережковский, З.Гиппиус, М.Волошин, А.Ахматова, О.Мандельштам). Например, у З.Гиппиус: «...Ты утонешь в тине черной, / Проклятый город, Божий враг» («Петербург», 1909).

Показательны различия, отраженные автором диссертации. В отличие от модернизма («диаволического» символизма в категориях А.Ханзен-

Леве), поэзии раннего Н.Гумилева), мифопоэтике Ю.Кузнецова внеположен гностико-еретический дуализм, иронический модус в изображении Богородицы (А.Блок, М.Кузмин), сомнения в сотериологической миссии Христа (В.Набоков, С.Есенин). Отмечается, что в целом демифологизирующая конкретизация образа Марии находится на культурной периферии. Современному поэту не присущ релятивизм в осмыслении отрицательных мифологических образов. Так, в национально-религиозном сознании Ю.Кузнецова образ Вечного Жида лишен амбивалентности или сочувствия, характерного для поэзии модернизма (Н.Минский «Жалобы Агасфера», «Видение Агасфера»; К.Бальмонт «Разлука! След чужого корабля»; Ф.Сологуб «На нем изношенный кафтан»; «Возроптали иудеи»; И.Коневской «И путник я под солнцем, на распутьи»; М.Цветаева «Был Вечный Жид за то наказан...»), в нем нет привлекательности авантюрного или романтического героя (В.Жуковский, Э.Сю). Напряженные духовные искания поэта выражают идею покаяния отдельной личности, что перерастает в идею национального возрождения, которое мыслится как путь к Богу.

ВЫВОДЫ

Стержневой тенденцией динамики поэтических процессов рубежей XX века как переходных культурных эпох выступают поиски «ценностного центра» (М.Бахтин), возрождение духовной вертикали в различных формах культурной преемственности. В постмодернистской ситуации, апеллирующей к опыту «высокого» модернизма, концептосфера и типы религиозно-поэтического сознания являются тем ракурсом, который демонстрирует наследование традиции как в непосредственной рецепции, так и на уровне типологических схождений, вызванных особенностями художественного и социокультурного развития в ситуации канунов и рубежей.

На фоне «цветущей сложности» (К.Леонтьев) поэтического пространства 1980-х – 2000-х годов духовно-культурная традиция позволяет различить в хаосмосе порядок за счет сохранения в культурной памяти положительной аксиологии в эстетических формах. Сакральные ценности, располагающие собственными культурными средствами и знаковыми системами, в поэтическом мире отражаются в структурах религиозно-поэтического сознания, подвергаясь символизации, мифологизации, парадигматизации в культурно-религиозных концептах, комплексе мотивов, жанрово-стилевых доминантах, репродуцируются в традиционных (в ортодоксально-религиозной поэзии) или модифицированных формах в зависимости от творческих стратегий авторов. В результате научного поиска зафиксировано, что в современном поэтическом процессе традиция имеет системообразующий характер, продуцируя структурность, иерархичность по связанному ряду культурно-духовных констант, придающих ему целостность и завершенность, характерную для «открытой», нестабильной, становящейся системы.

Типологическая соотнесенность поэзии рубежей XX века представлена ее концептосферой: концептами Веры, Русского Христа, духовного странничества, Рая / Ада, юродства / святости в их художественном воплощении в структурно-семантической и жанровой специфике текстов. Анализ поэтических текстов показывает: стержневыми тенденциями, объединяющими типы религиозно-поэтического сознания как модернизма, так и новейшей русской поэзии, являются христоцентризм и эсхатологичность. Христоцентризм проявляется, вопреки эпистемологической неуверенности, в устойчивой ориентации на абсолютную шкалу ценностей в новозаветной парадигме; в неиссякаемом интересе к Личности Иисуса Христа и Его художественному воплощению.

В новейшей поэзии представлены различные варианты культурной преемственности: рецепция религиозно-философских концептов, их модификация на уровне типологической схожести параметров религиозно-поэтического сознания, мотивно-образных, стилистических и жанровых доминант; обращение к традиции для самоидентификации и легитимности творчества; внутренняя полемика, пародирование, травестирование, деструктивно ориентированное преломление в гротескно-карнавальных формах, перекодировка и инверсия; модификации образных языков, кодов модернизма и удаленных культур, воспринятых через культурный опыт модернизма (стилизаторство, апокрифизация, интертекстуальность), то есть «переадресация воспроизводимой традиции» (А.Ранчин), но в любом изводе – это продуктивный диалог.

Показателен еще один вариант культурной преемственности – в аспекте завершения традиции, поскольку впервые в поэтической христологии XX века «литературные поиски Русского Христа» (К.Исупов), начатые Серебряным веком, эсхатологические пророчества и ожидания как доминирующий миф русской литературы, выливаются в масштабные произведения, наследующие духовно-практическому опыту русской культуры (поэмы Ю.Кузнецова «Золотое и синее» и «Сошествие в ад»).

Современная поэзия демонстрирует культурную преемственность с духовно-поэтическим опытом Серебряного века, его поисками синтеза культур и веры: идеи всеединства развиваются в экуменически ориентированной поэзии С.Кековой, О.Седаковой; «русская идея», мессианство, почвенничество получают художественное осмысление в национально-религиозном сознании Ю.Кузнецова. Диалог с культурой Серебряного века осуществляется и в инверсированных формах, что проявляется в ироническом отношении к «русскому мифу», его деконструкции (С.Стратановский, Т.Кибиров, И.Тюрин).

Актуализация культурной памяти, метафоричность, принципиальная многозначность текстов, поэтика «пропущенных звеньев» позволяют констатировать обращение новейшей поэзии к опыту модернистской поэтики М.Кузмина, к «позднему» Мандельштаму. Аксиология трех центров ахматовской поэзии – Время, Бог и Покаяние, сближает лирику А.Ахматовой с религиозно-философской поэзией С.Кековой; постоянно присутствующий образ рая на земле, недоступный взору современного человека, утратившего необходимую для такого

созерцания чистоту взгляда, – лейтмотив поэзии Вяч.Иванова, актуализированный в поэзии З.Миркиной, В.Блаженного. Сближение национального топоса с библейским – характерная черта литературы русского средневековья, возрожденная на рубежах XX века, синкретизм словесного и иконописного образов в поэтических системах этого периода (Н.Гумилев, С.Есенин, М.Волошин, Н.Клюев, Ю.Кузнецов) подтверждает духовно-культурную преемственность модернизма и новейшей поэзии.

В поэзии конца XX века актуализирован концепт юродства – константа национально-религиозного самосознания, которая сближает переходные эпохи рубежей XX века. Культурная преемственность концепта юродства с аутентичной моделью, с русской духовно-поэтической традицией, ее религиозным опытом воплощается в стратегиях работы с культурными знаками и интертекстом, в речевых и поведенческих формах лирического субъекта (А.Белый, А.Вознесенский, В.Блаженный).

Культурная преемственность в форме интертекстуальной переклички в новейшей поэзии сопряжена с изменением модальности, например, в рецепции эзотерического кода. Наиболее показателен иронический модус, десакрализация эзотерических святынь и аксиологии, травестирование, демифологизация; использование эзотерического кода для воплощения внеположенных тайнознанию эстетических задач, например, артикуляции поэтического *credo*; языковая игра на границах сближения сакрального и профанного смыслов (Е.Шварц, С.Стратановский, А.Еременко, А.Миронов, П.Барскова,). Последнее особенно ярко проявляется во взаимоотношениях с традицией поколения 90-х (Шиш Брянский (К.Решетников), Е.Боярских, Псой Короленко (П.Лион), В.Нугатов, А.Поляков), которые расширяют ракурс взаимодействия, выстраивая собственную эзотику, погружаясь в малоизвестные пласты архаики, язычества, каббалистической мистики, патристики, эзотерической традиции русской поэзии XVIII – XX веков.

Культурная память на фоне общих для неклассических систем тенденций жанровых слияний и диффузий, как показывает исследование, сохраняет традиционные жанры религиозной поэзии: псалмы, стихотворные молитвы, стихи-агиографии. Жанровые модификации духовных стихов (возрождение аутентичной матрицы, имитации, парафрастика), реконструкции структур, генетически восходящих к религиозно-визионерским жанрам, например, видения в поэме Ю.Кузнецова «Сошествие в ад», подтверждают валентность «жанровой инерции» (С.Аверинцев) в поэзии рубежей XX века. Духовная тема воплощается и в экспериментаторских жанрах, характерных для модернистских и неоавангардистских практик: одностроках (В.Брюсов, А.Деркач, А.Коротеев, А.Очеретянский); дистихах (Вяч.Иванов); минималистской поэзии (В.Строчков), палиндромах (Г.Лукомников, Д.Авалиани).

Таким образом, можно утверждать: типологические схождения, механизмы и формы культурной преемственности, прослеженные в поэтическом пространстве переходных эпох рубежей XX века, свидетельствуют о непрерывности

функционирования духовно-поэтической традиции как магистральной для русской литературы и о дальнейшем ее развитии.

Основные положения диссертации изложены в публикациях:

1. Ильинская Н.И. Религиозно-философские искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика сознания, концептосфера, типология: Монография. – Херсон: Айлант, 2005. – 468с. (29 др.арк.).

Рецензії: *Заярная И.С. Духовная вертикаль поэтического пространства на гранях XX века (рецензия на монографию Н.И.Ильинской «Религиозно-философские искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика сознания, концептосфера, типология». – Херсон: Айлант, 2005. – 468с.) // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Редкол.: А.Ю. Мережинская (гл. ред.) и др. – К.: Логос, 2006. – Вып.9. – С.252-255; Бондарева О.Є. Від «альфи» до «омеги»: порубіжна релігійно-поетична самосвідомість XX століття як літературознавча проблема // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXXIII – Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. – С.238-241; Кочетова С.А. Рецензия на книгу Н.Ильинской «Религиозно-философские искания в русской поэтической традиции рубежей XX века: специфика сознания, концептосфера, типология» // Восточно-славянская филология. – Вып. 10. Литературоведение. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2006. – С.196-198.*

2. Ильинская Н.И. Религиозно-философские искания в русской поэзии 80-90-х годов XX века: Учебно-методическое пособие к спецкурсу «Русская поэзия 80-90-х годов XX века: тенденции развития, поэтика». – Херсон: Изд-во ХДУ, 2004. – 36с. (2др.арк.).

3. Ильинская Н.И. Облик эпохи в сознании и текстах Т.Кибирова // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник.– Вып. 9 (66). – Симферополь: Крымский архив, 2003. – С.80-89 (0,4 др.арк.).

4. Ильинская Н.И. Дискурс сознания в русской концептуальной поэзии 80-90-х годов XX века // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXI. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2003. – С.138-144 (0,5 др.арк.).

5. Ильинская Н.И. Поэма Т.Кибирова «Сквозь прощальные слезы» как зеркало советской эпохи // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. – К.: ИПЦ “Київський університет”, 2003. – С.55-67 (0,5 др.арк.).

6. Ильинская Н.И. Юрий Кузнецов: структура религиозного сознания поэта на пороге XXI века // Вісник Харківського Національного університету ім. В.Н.Каразіна. – № 607. Серія Філологія. – Вип. 39. “Харківська філологічна школа і сучасність”. – Харків, 2004. – С.53-57(0,5 др.арк.).

7. Ильинская Н.И. «Духовной жаждою томим...»: русская поэзия и православие в культурном контексте современности // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXIV. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С.63-68 (0,7 др.арк.).

8. Ильинская Н.И. Литературный феномен «Русского Христа» в современном творческом сознании // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. – К.: ИПЦ “Київський університет”, 2004. – С.157-168 (0,5 др.арк.).

9. Ильинская Н.И. Кошунство или свобода творчества? Образ Христа в современной русской поэзии // Вісник Харківського Національного університету ім. В.Н.Каразіна. – №632. Серія Філологія. – Вип. 42. – Харків, 2004. – С.263-268 (0,5 др.арк.).

10. Ильинская Н.И. Религиозно-философский концепт Веры в поэтической христологии Ю.Кузнецова // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXVI. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С.26-34 – (0,5 др.арк.).

11. Ильинская Н.И. Евангельский образ Иисуса и духовный контекст русской поэтической традиции двух последних рубежей веков // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXI. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – С.63-68 (0,5 др.арк.).

12. Ильинская Н.И. «Селенья Рая и пропасть Ада» в поэзии С.Кековой // Літературознавчі студії.– Вип. 11: Зб. наук. праць. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С.180-189 (0,5 др.арк.).

13. Ильинская Н.И. «Полифоническое единство» Серебряного века в рецепции современников и интерпретации русских поэтов 80 – 90-х годов XX века // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. – Вып. VI. – К.: Логос, 2004. – С.150-161 (0,5 др.арк.).

14. Ильинская Н.И. Ирония в поэме А.Блока «Двенадцать» // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. I – II. – Херсон: ОЛДІ, 1999. – С.89-100 (0,4 др.арк.).

15. Ильинская Н.И. «В каждом из нас Бог...» (религиозно-философские мотивы лирики Иосифа Бродского) // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. XV. – Херсон: Вид-во ХДПУ, 2002. – С.218-222 (0,4 др.арк.).

16. Ильинская Н.И. Образ Русского Христа в поэме Ю.Кузнецова «Золотое и синее» // Проблеми славістики. – Луцьк, 2004. – Число 1-2. – С.141-149 (0,5 др. арк.).

17. Ильинская Н.И. Поэтическое пространство новейшей русской поэзии: к вопросу о целостности процесса // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Редкол.: А.Ю.Мережинская (гл. ред.) и др. – К.: Логос, 2005. – С.56-66 (0,5 др.арк.).

18. Ильинская Н.И. «Духовная вертикаль» в поэзии переходных эпох (рубеж XIX-XX и XX-XXI столетий): проблемы исследования. Статья первая // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. XXVIII. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2005. – С.42-47 (0,4 др.арк.).

19. Ильинская Н.И. «Духовная вертикаль» в поэзии переходных эпох (рубеж XIX-XX и XX-XXI столетий): проблемы исследования. Статья вторая // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. XXIX. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2005. – С.27-33 (0,4 др.арк.).

20. Ильинская Н.И. «Память жанра» видения в поэме Ю.Кузнецова «Сошествие в Ад» // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Філологічні науки. – Вип. 10. Том 1. – Кам'янець-Подільський: Абетка Нова, 2005. – С.102-110 (0,5 др.арк.).

21. Ильинская Н.И. Массонский код в русской поэтической традиции кризисных рубежей XX века // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць.– Вип. XXIX. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2005. – С.58-64 (0,4 др.арк.).

22. Ильинская Н.И. Фольклорно-мифологический текст Русского Христа в поэзии Ю.Кузнецова // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXVII. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2005. – С.58-63 (0,4 др.арк.).

23. Ильинская Н.И. Чужое как свое: о некоторых реминисценциях в лирике И.Бродского // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XII. – Херсон: Айлант, 2001. – С.61-65 (0,4 др.арк.).

24. Ильинская Н.И. «Поэта далеко заводит речь»: лингвистический аспект лирики И.Бродского // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XV – Херсон: Вид-во ХДПУ, 2001. – С.179-183 (0,4 др.арк.).

25. Ильинская Н.И. Рецепция посвячительного мифа в поэтическом цикле М.Волошина «Руанский собор». Статья первая // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Редкол.: А.Ю. Мережинская (гл. ред.) и др. – К.: Логос, 2006. – Вып. 8. – С.198-206 (0,4 др.арк.).

26. Ильинская Н.И. Рецепция образов Христа и Богородицы в поэме Ю.Кузнецова «Золотое и синее» (аспект русской ментальности) // Література в контексті культури: Зб. наук. праць / Ред. кол.: В.А.Гусев (відп. редактор) та ін. – Вип. 14. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2004. – С.250-258 (0,5 др. арк.).

27. Ильинская Н.И. Орнитологическая символика в русской духовности (на материале поэзии рубежей XX века) // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. Вип. XXXII. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2006. – С.27-32 (0,4 др.арк.).

28. Ильинская Н.И. Рецепция посвячительного мифа в поэтическом цикле М.Волошина «Руанский собор». Статья вторая // Русская литература. Исследования: Сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Редкол.: А.Ю. Мережинская (гл. ред.) и др. – К.: Логос, 2006. – Вып. 9. – С.14-22 (0,4 др.арк.).

Дополнительные публикации:

1. Світова література і культура: Навчальний посібник для абітурієнтів / За ред. проф. О.В.Мішукова. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2004. – 252с. (здобувачеві належать розділи “Іван Олексійович Бунін”, “Олександр Олександрович Блок”, “Олександр Іванович Купрін”, “Генрік Ібсен”, “Ті де Мопассан”, “Джордж Бернард Шоу”, “О.Генрі”, “Моріс Метерлінк”, “Джек Лондон” – С.138-172 (1,5 др.арк.).

2. Ильинская Н.И. Духовные искания в русской поэзии 80-90-х годов XX столетия // Мова і культура (Науковій щорічний журнал). – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003. – Вип. VI. – С.210-219 (0,5 др.арк.).

3. Ильинская Н.И. Русский Христос Ф.Достоевского и национальная специфика образа свободы // Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXVII. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2005. – С.29-33 (0,4 др.арк.).

АНОТАЦІЯ

Ільїнська Н.І. “Російська поезія рубежів XIX-XX, XX-XXI століть: концептосфера та типологія релігійно-поетичної свідомості в аспекті культурної спадкоємності”. – Рукопис.

Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук зі спеціальності 10.01.02 – російська література.

У дисертації вперше системно висвітлено особливості поетичного процесу кінця XX століття як нової цілісності в культурній спадкоємності й типологічній співвіднесеності моделей релігійно-поетичної свідомості з добою Срібного віку. Доведено, що взаємини з традицією формуються в ракурсі таких механізмів спадкоємності, як рецепція релігійно-філософських концептів та їх модифікація на рівні типологічної схожості параметрів релігійно-поетичної свідомості, мотивно-образних, стилістичних та жанрових домінант; звернення до традиції для самоідентифікації та легітимності творчості; внутрішня полеміка, пародіювання, травестування, деструктивно зорієнтоване відображення у гротескно-карнавальних формах, перекодування та інверсія; модифікація образних мов, кодів модернізму й віддалених культур, сприйнятих крізь призму досвіду модернізму (стилізаторство, апокрифізація, інтертекстуальність).

Культурна спадкоємність здійснюється в типологічно схожих моделях релігійно-поетичної свідомості. Йдеться, по-перше, про традиційно-догматичний вектор; по-друге, паракристіянський; по-третє, про позаконфесійно-релігійний вектор із певною поправкою на конвенційність будь-яких типологій. Концептосферу релігійно-філософської поезії у російській традиції рубежів XX століття утворюють: концепт Віри, Російський Христос, концепти духовного прочанства, Раю / Пекла, юродства / святості в їхньому художньому втіленні у структурно-семантичній та жанровій специфіці текстів.

Ключові слова: релігійно-поетична свідомість, традиція, типологія, модернізм, постмодернізм, концепт, міфологізм, символіка.

АННОТАЦИЯ

Ильинская Н.И. Русская поэзия рубежей XIX-XX, XX-XXI веков: концептосфера и типология религиозно-поэтического сознания в аспекте культурной преемственности. – Рукопись.

Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 – русская литература.

В диссертации впервые системно исследованы особенности функционирования духовно-поэтической традиции в литературе переходных эпох – рубежей XX века. Поэтический процесс конца XX века рассмотрен как новый тип художественной целостности в ракурсе типологической схожести с русским модернизмом на основе комплексного переосмысления его религиозно-философских исканий.

Сделаны выводы об освоении Серебряного века как традиции в целом (вне реальных или квазиконфронтаций модернизма), что не исключает доминантных влияний того или иного типа творчества на стилевые течения и идиостили новейшей поэзии (например, неоавангардное творчество Ры Никоновой, С.Сигея, Д.Авалиани, С.Бирюкова). Дополнены теоретические представления о переходных эпохах, обозначены механизмы культурной преемственности. В первом приближении очерчены основные системообразующие параметры новой стилевой стратегии – неомодернизма как некоего возвращения к началу на уровне эстетических принципов, ценностных ориентаций, топика. Это восстановление духовной вертикали в типологически схожих моделях религиозно-поэтического сознания и концептах; «преодоление» постмодернизма посредством стилевого синтеза неклассических систем – необарокко, поставангарда, неоакмеизма, не исключающего традиционно-реалистического влияния; «реабилитация» прямого высказывания; открытость и «размытость» границ стилевых течений и др.

Определены основные подходы в изучении концепта религиозно-поэтического сознания, обоснована типология, которая учитывает культурную преемственность и типологическую соотнесенность типов религиозно-поэтического сознания, репрезентативных для модернизма и новейшей русской поэзии, определена концептосфера религиозно-поэтического сознания. Выделены и описаны модели религиозно-поэтического сознания, осложненные теми или иными векторами религиозно-философских исканий.

Широкий пласт поэзии Серебряного века и новейшей поэзии исследован на разных уровнях – мотивном, мифопоэтическом, стилевом, интертекстуальном. Продемонстрированы типологически схожие формы культурной рецепции, доминантные мотивы и образы, жанрово-стилевые особенности, характерные для представленных типов религиозно-поэтического сознания.

Выявлено, что традиционно-догматический тип религиозно-поэтического сознания (К. Р. (К. Романов), А. Ахматова, О. Седакова, О. Николаева, иеромонах Роман (А. Матюшин), О. Охалкин, З. Миркина, С. Кекова) свободен от богоборческих интенций, «ветхия прелести» язычества, люциферических или иных соблазнов. Его константой является опыт бытия в единении с Богом, что на уровне стилистики исключает инверсии или перекодировку библейских сюжетов и топика. В традиционно-догматическом типе сознания в сравнении с другими поливекторно представлен концепт Рая.

В отличие от него культурно-религиозный тип поэтического сознания в силу разновекторности исканий и конфессиональной неопределенности демонстрирует довольно сложные отношения с Абсолютом. Его аксиологические координаты размыты, сакральная топика подвергается перекодировке, образы и идеологемы рассматриваются в амбивалентной проекции.

Новейшая русская поэзия актуализирует феномен юродства. Концепт юродства, будучи константой национально-религиозного самосознания, типологически сближает переходные эпохи рубежей XX века (А. Белый, М. Волошин, А. Вознесенский, В. Блаженный). В работе подчеркивается культурная преемственность концепта юродства с аутентичной моделью, с духовно-поэтической традицией модернизма, что воплощается в стратегиях работы с культурными знаками и интертекстом, в речевых и поведенческих формах лирического субъекта.

Жанрово-семантический комплекс национально-религиозного поэтического сознания представлен парафрастикой евангельских сюжетов и истин; «поэтическими агиографиями», отражающими подвиг старцев, пустынников, русских святых, несущих отсвет их духовного опыта; рецепцией мифопоэтической образности, зафиксированной в апокрифах, религиозном фольклоре, других неканонических источниках; актуализацией «памяти» религиозно-дидактических жанров средневековой словесности: видений, примеров (*exemplum*), духовных стихов.

Отмечены тесные связи поэзии рубежей XX века с различного рода эзотерикой. В работе исследован внеконфессионально-религиозный тип сознания, прослежена рецепция эзотерического кода модернизма в русской поэзии конца XX века, его модификации и модусы культурной преемственности. Проанализирована специфика деконструкции «утопического» сознания культуры тоталитарного типа в поэзии, отмеченной чертами постмодернистской эстетики.

Ключевые слова: религиозно-поэтическое сознание, традиция, типология, модернизм, постмодернизм, концепт, мифологизм, символика.

SUMMARY

П'юинска N.I. The Russian Poetry on the Borderline of the XIX-XX, XX-XXI century: Conceptosphere and Typology of the Religious and Poetical Consciousness in the Aspect of Cultural Inheritance. – Manuscript.

Thesis for a Philology Doctor's degree on specialty 10.01.02 – Russian literature. – Kyiv National University named after Taras Shevchenko. – Kyiv, 2006.

The given dissertation is the first to highlight the peculiarities of the poetical process in the end of the XX century, showing it as a new integrity in the cultural inheritance and typological correlation of the models of the religious and poetical consciousness with the Silver Age epoch. The research has proved the fact that any interrelation with the tradition is formed on the base of such inheritance mechanisms as reception of the religious and philosophical concepts and their modification on the level of

the typological similarity of the parameters of the religious and poetical consciousness, motive-imaginative, stylistic and genre dominants; appeal to the tradition for self-identification and legitimacy of one's creative activity; inner polemics, parodying, travesty, that is destructionally oriented towards reflecting in the forms of grotesque or carnival, reencoding and inversion; modification of emotive languages, codes of modernism and distant cultures perceived through the prism of modernism's experience (stylization, apocryphization, intertextualization).

Cultural inheritance takes place in the typologically similar models of religious and poetical consciousness: in the first place, we mean the traditionally dogmatic vector; in the second place, we mean the parachristian vector; in the third place, the vector which does not belong to any confession or religion with a certain assumption that any typology may be conventional. The conceptual sphere of the religious and philosophical poetry in the Russian tradition on the borderlines of the XX century is made by the concepts of: Faith, Russian Christ, spiritual pilgrimage, Heaven / Hell, God's foolishness / holiness in their embodiment in the structural-semantic and genre peculiarity of the literary text.

Key words: religious and poetical consciousness, tradition, typology, modernism, postmodernism, concept, symbols.

Подписано в печать 25.08.2006 р. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 2,0. Тираж 100 экз. Зак. № 74

Отпечатано в ООО "Айлант"

73000, Украина, г. Херсон, пер. Пугачева, 5/20.
Тел.: 26-67-22.